

Она может спасти человечество.
Или уничтожить его...

ЭТОТ РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

18+

ЭМИЛИ СУВАДА

Эта смертельная спираль

Эмили Сувада

Этот разрушительный элемент

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сувада Э.

Этот разрушительный элемент / Э. Сувада — «Эксмо»,
2020 — (Эта смертельная спираль)

ISBN 978-5-04-110722-2

Катарина лишилась всего: собственного тела и долгожданной свободы. Девушка оказалась заперта в ловушке подсознания, сбежать из которой невозможно. Столкнувшись с темной частью своей личности, Катарина понимает, что нынешняя владелица ее тела способна уничтожить этот мир. Она должна предупредить все человечество: лекарство, обещавшее подарить людям бессмертие, таит в себе смертельную опасность. Однако у нее осталось несколько часов, после чего личность Катарины будет уничтожена.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110722-2

© Сувада Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эмили Сувада

Этот разрушительный элемент

Для тебя, мой читатель.

Спасибо, что стал моим попутчиком в этом путешествии.

Глава 1

Цзюнь Бэй

Полдень, воздух пустыни расплывается от жары, а улицы окрашены в черный цвет от усыпавших их тел мертвых странствующих голубей¹. Еще неделю назад огромные стаи этих птиц заслоняли солнце, но сейчас над небом Энтропии кружится лишь несколько особей. Их скорбные крики разносятся по воздуху, а опавшие перья вздымаются и закручиваются в порывах свистящего ветра, гуляющего над холмами. Этот город когда-то светился жизнью, мечтаниями и возможностями, но сейчас он опустел и превратился в заброшенный памятник умершим.

Я отхожу от окна и принимаюсь расхаживать по загроможденному полу общей лаборатории, в которой сейчас живу. Вокруг меня на креслах и диванах развалились кодеры, молча над чем-то работая. Можно предположить, что после атаки «Картакса» на Энтропию ее жители сосредоточатся на мести, но большинство подслушанных мной разговоров оказались о растениях, водорослях и способах превратить мертвых голубей в удобрения.

Я люблю этот город, но порой мне хочется сжечь его дотла.

– Уверена, что готова, Цзюнь Бэй? – спрашивает Рейн.

Солнечный свет отражается от бронированных пластин на ее коже, когда она сжимает в руках планшет, подключенный к моей панели. Не многим я доверяю настолько, чтобы открыть доступ к моим модулям, но Рейн из их числа. Она помогает мне с тех пор, как услышала о «Нулевом коде». Думаю, любой, кто решится покрыть свою кожу броней, способной отразить удар ножа, заинтересован в бессмертии.

– Нужно попробовать все варианты, – говорю я, прикоснувшись к щеке и разминая шею наклонами головы вперед и назад.

Рейн постукивает по экрану планшета.

– Не хочешь присесть? Мы можем уйти в дальнюю комнату.

Я качаю головой:

– Все нормально. Надеюсь, в этот раз код окажется верным.

Я возвращаюсь к окну и принимаюсь кусать ноготь на большом пальце. Мы заняли пентхаус жилого дома на склоне горы. Сквозь стеклянную стену видны разрушенные здания и загубленные сельскохозяйственные поля у подножия горы. Вдалеке мерцает граница Энтропии, а за ней простираются на многие километры пустынные равнины, усыпанные перьями.

Но я смотрю не сквозь запыленное окно, а на собственное отражение в нем. Прошло несколько недель, и я наконец вижу собственные черты в лице, смотрящем на меня. Мои глаза, нос, изгиб губ. Даже волосы приобрели верный оттенок и структуру, а также отросли до середины спины за последние несколько дней. И теперь тело выглядит так, как и должно, за исключением левой щеки и пары участков на руке и правой лодыжке. Я все перепробовала, но кожа там не изменилась. Это кожа Катарины, и ее ДНК все еще остается в клетках. Все остальное изменилось легко, но эти пятна не хотят поддаваться.

И, если повезет, к концу дня кожа на левой щеке приобретет нужный оттенок.

– Что ж, я запускаю программу, – говорит Рейн, подходя ко мне.

Я тут же чувствую легкое покалывание в щеке, которое постепенно перерастает в боль. Каждая попытка запустить код для изменения этих пятен болезненнее предыдущей. И сейчас

¹ Странствующий голубь – вымерший вид семейства голубиных, который обитал в лиственных лесах Северной Америки. Птицы вели кочующий образ жизни, собираясь в огромные стаи по миллиону особей.

моя щека начинает гореть. Я смотрю в окно на алые полосы, стекающие по коже. Вот и капилляры начали лопаться.

Я стискиваю зубы, когда вижу, как кожа начинает пузыриться.

Боль врзается в разрушенную стену внутри меня – хрупкий барьер, отделяющий мой разум от разума Катарина. Но по ту сторону тишина. После того как Катарина ударила электричеством по импланту, чтобы не дать мне стереть воспоминания, она замолчала, и с тех пор я не ощущала ее присутствия. Думаю, ее разум погрузился в сон, но я надеюсь, что мне когда-нибудь удастся ее оживить. Впрочем, на ее долю выпало уже достаточно боли и ужаса.

И если появится способ ее разбудить, я не стану этого делать, пока мир не исцелится вновь.

Струйки крови стекают по лицу из пульсирующей, распухшей раны.

– Е-еще одна неудача, – с трудом выдыхаю я.

– Я уже отключила программу, – говорит Рейн.

Я сгибаюсь пополам и упираюсь руками в стекло. От боли перед глазами все плывет, а ноги подкашиваются. Руки так и тянутся потереть рану, но стоит мне прикоснуться к ней, как кожа отвалится и отпадет.

– Что ж, это не сработало, – говорит Рейн.

Щека ноет, а боль даже не думает затихать. Я выпрямляюсь, втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы и достаю гелиевую повязку из сумки, прикрепленной к бедру. Это повязка с нанитами, порцией обезболивающего и исцеляющих сывороток. Я снимаю прозрачную пленку и осторожно прижимаю повязку к щеке. Боль усиливается, перед глазами вспыхивают пятна, но вскоре она стихает под действием обезболивающего.

– Выглядит не очень приятно, – говорит Рейн.

Я с трудом киваю в ответ. Это уже шестая безуспешная попытка. Лаклан постоянно изменял мою ДНК в лаборатории проекта «Заратустра», но это никогда не причиняло мне такой боли. Ему даже удалось полностью изменить мое тело и превратить в Катарину. И на ней не было и кусочка кожи другого цвета. Так почему же эти клетки не хотят меня слушаться? Я не понимаю.

Что я за кодировщик, если не могу разобраться даже с собственной ДНК?

– Руз вернулся, – еле слышно бормочет Рейн.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, как распахивается дверь в лабораторию.

– Неужели ему больше нечем заняться, кроме как постоянно проверять меня?

Рейн прячет планшет в карман.

– Видимо, нет.

– Опять занимаешься своим лицом, Цзюнь Бэй? – входя в лабораторию, спрашивает Руз.

Он на несколько лет старше меня, его кожу украшают серебристые линии электрических схем, а глаза – импланты, замена тем, что он потерял в детстве. Руз стал новым лидером Энтропии после смерти Регины, но мне до сих пор непонятно, почему люди выбрали его.

Я прилетела сюда в надежде, что жители города поддержат меня, но оказалось, что у них совершенно другая иерархия по сравнению с «Картаксом». Несмотря на то, что я привезла с собой «Нулевой код» и пообещала бессмертие, они выбрали Руза, потому что тот давно живет здесь. Он убедил генхакеров, что те должны сосредоточиться на защите – границах, постах охраны и патрулях – вместо непроверенного фрагмента кода. И их не убедили мои слова, что «Картакс» признает поражение только в том случае, если столкнется с чем-то новым... и мощным.

Когда я создала «Нулевой код», то выбрала это название не только потому, что он затрагивает фундаментные основы. Он нечто большее. «Панацея». Программа, которая позволит нам изменять наш разум так же легко, как и ДНК. Он станет самым важным кодом в жизни,

вот только пока ему не хватает одного последнего, решающего фрагмента. Но никто здесь не заинтересован в том, чтобы помочь мне его дописать.

– Я думала, ты проверяешь периметр города. – Говорю я Рузу.

Из близлежащего лагеря генхакеров поступили сообщения о налетах. Все нервничают после атаки «Картакса» на живущих на поверхности и провала памяти на несколько месяцев.

Никто не знает, что это я стерла воспоминания, и пусть так остается впредь.

– Патруль ничего не заметил, – говорит Руз. – Я думал, ты сосредоточилась на кодировке системы обороны города.

Я закатываю глаза:

– Единственные, кто может на нас напасть, это люди «Картакса», но даже мне сложно придумать что-то способное остановить их.

Как только последнее слово срывается с моих губ, вдалеке раздается выстрел, а за ним следует грохот.

Руз хмурится, пересекает комнату и внимательно всматривается в происходящее за окном вместе со мной.

– Очень похоже на взрыв бомбы, – говорю я, осматривая улицы и пытаюсь заметить хоть какое-то движение за покрывалом черных перьев.

– Согласен, – говорит Руз. – Но это вполне могут быть проделки тех, кому нечем заняться...

Он замолкает, когда раздается еще один выстрел, после которого вокруг одного из входов в тоннели в воздух взлетают перья. На улицу с криком выбегает женщина в окровавленной одежде. Руз напрягается, не сводя с нее взгляда.

– Похоже, нам действительно нужна хорошая система защиты, – говорю я. – Кажется, на нас напали. Пойдем.

Я бегу к двери. Не знаю, кто атаковал ту женщину, но за этим вполне мог стоять «Картакс». И хотя не видно ни грузовиков, ни «Комоксов», они вполне могли отправить сюда беспилотники-невидимки, чтобы найти нас. Они уже удерживали несколько сотен хакеров Энтропии, похитив их во время запуска протокола «Всемирный потоп». Так что я бы не удивилась, если бы они пришли за мной.

Схватив кобуру с вешалки у двери, я натягиваю ее и несусь вниз по ступеням. Они дубовые и проросли прямо из ростков в бетонных стенах, так что на некоторых из них встречаются листики и ветки. Чтобы оказаться на улице, предстоит преодолеть всего четыре этажа, но даже от этой нагрузки перед глазами вспыхивает предупреждение. Программы, исцеляющие щеку, съели большую часть оставшихся калорий, к тому же я давно не спала как следует. Так что сейчас не самое подходящее время, чтобы ввязываться в драку.

– Бежим к восточному входу в тоннели, – догнав меня, говорит Руз. Его глаза слегка стекленеют. – Там незваные гости. И, кажется, пострадал кто-то из наших.

– Поняла, – отзываюсь я, после чего преодолеваю последний пролет и выскакиваю на улицу через главную дверь.

Воздух пропитан удушливым, тяжелым запахом разлагающихся голубей. Их перья хрустят под нашими ногами, пока мы мчимся ко входу в тоннель. Выстрелы становятся громче и смешиваются с криками. Оглянувшись на Руза и остальных, я вытаскиваю пистолет из кобуры и ускоряюсь.

– Электропитание отключено, – кричит Руз. – И как минимум один из наших людей ранен.

– Это определенно нападение, но не похоже на «Картакс», – кричит Рейн. – Они бы провернули все тише.

– Согласен, – отвечается Руз. – Но кто тогда там?

Мы мчимся в тоннель под звуки выстрелов, эхом отражающиеся от стен. Руз бежит рядом со мной навстречу развернувшемуся бою, но через несколько мгновений хватает меня за руку, чтобы остановить.

Я делаю несколько шагов, чтобы не упасть, и пытаюсь осознать ужасную сцену, которая развернулась передо мной. На земле лежат тела хакеров, работавших на сельскохозяйственных уровнях. Некоторые из них уже мертвы, а некоторые тяжело ранены. Над ними возвышаются люди в грязной, окровавленной одежде. Это определенно не солдаты «Картакса».

К тому же они скалятся, как звери.

– Одичалые, – рычит Руз.

Это люди, потерявшие рассудок от гнева. Катарина сталкивалась с ними во время вспышки, но я никогда не видела их раньше. С нескрываемым отвращением я осматриваюсь по сторонам. Неподалеку от меня лежит растерзанная женщина, а двое одичалых, склонившись над ней, копаются у нее в животе.

Я готовилась к атаке «Картакса» – военным, дронам и взрывчатке. Но не к этому.

Руз поднимает винтовку и стреляет в одного из одичалых, от выстрела остальные разбегаются в разные стороны. И некоторые из них направляются в глубь бункера.

– Мы не можем позволить им попасть внутрь! – с широко раскрытыми глазами кричит Рейн и бросается за ними, оставляя нас с Рузом наедине с выжившими.

Правда, их осталось не так уж много. Вокруг нас разбросано около десятка тел, а запах крови настолько сильный, что сводит живот. Не знаю, как одичалые проникли в город и в этот тоннель, но Рейн права, их нельзя пускать в бункер. Мы не можем рисковать жизнями жителей Энтропии.

– Хоть кто-то может идти сам? – кричу я, оглядывая раненых.

Женщина, одежда которой покрыта кровью, стоя на коленях тихо всхлипывает рядом с женщиной с разодранным животом. И от одного взгляда на них меня охватывает ужас. Потому что я знаю их. Это Матрица. Одна из хакеров, поверивших в «Панацею», а рядом с ней на земле лежит ее жена, которая работала с растениями. И именно ей одичалые разорвали живот и копались в нем.

По тоннелю эхом разносятся шаги.

– Одичалые возвращаются, – говорит Руз. – Нужно утащить отсюда раненых.

– Мы не успеем, – говорю я. – Так что придется дать им отпор.

– Нельзя пускать их в тоннель и в бункер. Люди там совершенно беззащитны. Если эти монстры туда проберутся, то поубивают всех.

– Можно воспользоваться «Косой». Она у меня в манжете, – предлагаю я.

Это маленькая вредоносная программа, способная убить любого человека, имеющего панель.

– Нет, – возражает Руз. – Ни за что.

– Почему? Их слишком много. Нам их не перестрелять. А «Коса» поубивает их всех.

– Дело не в этом, – шипит Руз. – Если у «Картакса» есть доступ хоть к одной из их панелей, они смогут заполучить код. А затем использовать его против нас. Одной командой убить всех живущих на поверхности.

От этой мысли все внутри леденеет. Он прав. Когда Катарина воспользовалась «Косой», код смог перехватить «Картакс». Нам удалось удалить программу из их баз данных по время протокола «Всемирный потоп», но стоит мне воспользоваться им хоть раз, и он станет последним. Либо хакеры «Картакса» вновь украдут его, либо разработают какую-нибудь блокировку, делающую «Косу» бесполезной. Но в любом случае, как сказал Руз, смогут обратить программу против нас.

А я даже не подумала об этом. Руз умнее, чем мне казалось. Я бросаю взгляд на тоннель, ведущий в бункер, который мы с ним должны защитить. Шаги одичалых становятся все

громче. Кажется, единственная возможность защитить бункер – это заблокировать вход в него. Я перевожу взгляд на каменный потолок.

– Нужно взорвать пещеру.

Руз кивает:

– Отличная идея.

Он перекидывает винтовку через плечо и достает из кармана металлический футляр размером со спичечный коробок. Открыв его со щелчком, парень достает два маленьких черных диска размером с ноготь, покрытых желтым твердым гелем. Это бомбы-пуговицы, каждая из которых, несмотря на свой крошечный размер, способна взорвать дом. Руз подбрасывает их к потолку, а затем снимает винтовку с плеча.

– В укрытие! – кричит он.

Вот только на это нет времени. Шаги приближаются и из-за поворота появляется несколько рычащих и грязных одичалых. Они несутся к тоннелю, ведущему к бункеру.

– Стреляй! – кричу я.

Руз прицеливается в бомбы-пуговицы, а затем стреляет. И взрывная волна сбивает меня с ног.

Глава 2

Катарина

Когда земля начинает трястись, мне снится Коул. Мы едем в его джипе с опущенными стеклами под звуки музыки, льющейся из динамиков. На его коже нет лей-линий, а взъерошенные волосы обрамляют лицо. Вокруг нет ни кратеров, ни выжженных отметин на земле – только лазурное небо и цветы, взирающие на нас с зеленых холмов. Коул убирает руку с руля и кладет мне ее на колено.

Не знаю, куда мы едем, но, главное, мы вместе. Мы свободны и счастливы.

Но тут раздается грохот.

Коул тут же хватается за руль, пытаюсь удержать дергающийся джип, пока вокруг расплываются темные зияющие трещины. Земля раскалывается и вздымается вверх, а цветы вместе с комьями почвы летят в бездну.

– Держись! – кричит Коул, ударяя по тормозам.

Джип еще какое-то время скользит по дороге, но затем останавливается в опасной близости от пропасти.

– Что происходит? – вцепившись в ремень, вскрикиваю я и поворачиваюсь к Коулу.

Он смотрит прямо на меня своими светло-голубыми широко открытыми глазами, в которых плещется ужас. И на его лице нет ни намека на любовь. А во взгляде не видно теплоты. Он больше не узнает меня.

Грохот нарастает, пока ко мне возвращаются воспоминания и неприглядная правда. Когда я превратилась в Цзюнь Бэй, чтобы остановить протокол «Всемирный потоп», то потеряла Коула. Потеряла все – друзей, будущее, тело. Так что теперь я заперта в темнице собственного разума, и происходящее лишь плод моего воображения.

– Нет, – молю я, в отчаянии хватаясь за рубашку Коула. – Вспомни меня, пожалуйста...

Он качает головой, а затем отдергивает руки.

– Кто ты? – с ужасом глядя на меня, выдыхает он.

После чего распахивает дверь, несмотря на то, что снаружи небезопасно. Трещины на земле становятся все шире, и он сейчас провалится.

– Коул, подожди!

Я отстегиваю ремень безопасности, чувствуя, как сердце бьется о ребра. А затем перебираюсь на водительское сиденье, чтобы схватить юношу за руку, но он отдергивает ее. Земля вновь сотрясается, воздух вибрирует от грохота, а трещины становятся просто огромными.

– Коул, стой!

Но он не слушает, а отступает назад и падает в пропасть.

Я резко просыпаюсь от собственного крика. Пытаюсь отдышаться, перекатываюсь на четвереньки и сползаю на пол. Перед глазами расстилается темнота, а затылок пульсирует от обжигающей боли. И так каждое утро – тот же сон, тот же ужас в глазах Коула и та же нестерпимая боль от импланта, вживленного мне в череп.

Стараясь прогнать кошмар из своего сознания, я прижимаю ладони к глазам и раскачиваюсь на коленях взад-вперед под звуки колотящегося в груди сердца. Вот только на самом деле мое сердце не колотится, тело не раскачивается, а легкие не раздуваются от воздуха. У меня вообще нет легких. Я всего лишь частичка разума, запертая в теле, которое не способна контролировать. Не знаю, есть ли слово, описывающее то, кто я сейчас, но знаю, как называется мир, в котором застряла.

Симуляция. Виртуальная реальность.

Месяц назад я прижала искрящийся электрический кабель к разъему на затылке. Пыталась остановить Цзюнь Бэй, запустившую программу стирания воспоминаний, и думала, что этим убью нас обеих. В тот момент я попрощалась с Коулом, своим будущим, своей жизнью. А в итоге просто отдала Цзюнь Бэй контроль над телом и с тех пор торчу в симуляции лаборатории проекта «Заратустра».

Я поднимаюсь на дрожащие ноги. Сейчас я в помещении, где впервые увидела Цзюнь Бэй – комнате со стеклянной стеной, сквозь которую видно три остроконечные вершины горы. Вокруг царит полумрак, разгоняемый лишь тусклыми косыми лучами утреннего света, просачивающимися в окно. Кафельный пол усеян кусками искореженного металла и потрепанными проводами – обломками генкитов, которые я разбирала последние недели. Снаружи виднеются темные горы, покрытые лесом и укутанные густым белым туманом, а вдалеке кружат черные точки – это голуби пронзают редкие облака.

Дождавшись, пока боль в голове слегка стихнет, я пробираюсь к лабораторному столу, который растянулся вдоль стены в другом конце комнаты, и упираюсь в него руками. Гладкая столешница холодит ладони, но ощущения, которые я испытываю, лишь иллюзия – импульсы, посылаемые в мой мозг от импланта в основании черепа. Все симуляции VR работают примерно так. Не все из них воспринимаются как реальность, но если вы прижмете ладони к виртуальной поверхности, то почувствуете ее. И в этом нет ничего странного. Так что каждая часть этой лаборатории кажется настоящей – каждая дверь, каждое дерево и каждый камешек закодированы с идеальной точностью, включая запахи, вкус и восприятие. Это безупречная симуляция едва отличимая от реальности.

И из нее нет никакого выхода.

– Соберись, – бормочу я, когда грудь сжимается от боли.

Стараясь не думать о том, что не дышу по-настоящему, я заставляю себя закрыть глаза. Если не избавиться от этих мыслей, то начнется еще одна паническая атака. Я на ощупь тянусь к бутылке на столе, откручиваю крышку и подношу горлышко ко рту. Ледяная вода обжигает горло и успокаивает меня.

Может, это тело и трехмерная проекция, приближенная к моей внешности, но симуляция настолько хороша, что я чувствую голод, жажду и даже желание поспать, если слишком долго бодрствую. А еще чертовски сильную боль, если ушибу палец или порежусь обо что-то острое. Но не все виртуальные симуляции добавляют ощущения подобные голоду и боли, но Цзюнь Бэй, судя по всему, считала их важными.

Запрокинув голову, я осушаю бутылку до дна и делаю долгий, медленный вдох. В коридоре раздается эхо от босых ног, шлепающих по плитке. Через мгновение к нему добавляются приближающиеся, резкие, пронзительные голоса. Я напрягаюсь и поворачиваюсь к двери, в которую тут же врываются пятеро визжащих детей.

Это пятилетние Коул, Леобен, Анна, Зиана и Цзюнь Бэй. Их худенькие тельца прикрыты серыми спортивными костюмами с логотипами «Картакса», грудные клетки перебинтованы, а по коже вьются шрамы. Я обнаружила их в запертой спальне наверху, когда набралась смелости обыскать лабораторию, и с тех пор они стали моими хвостиками.

Да, я знаю, что они нереальны. Просто еще одна частичка этой извращенной симуляции. Они ходячие строки кода, управляемые встроенным искусственным интеллектом. И прямо сейчас они врываются на полной скорости в комнату, заполненную остатками переломанных генкитов.

– Осторожней! – кричу я, протягивая руки к вихрю из маленьких конечностей и бритых голов.

Анна спотыкается о кучу потрепанных проводов и летит вперед. Я тут же бросаюсь к ней, хватаю за талию, а затем притягиваю к себе. Она визжит от восторга, но остальные тут

же останавливаются и с широко раскрытыми глазами осматривают комнату. Но я вижу лишь их босые ноги в окружении груд битого стекла и острого металла. Может, дети и часть этой симуляции, но они очень реалистично истекают кровью.

– Вы не должны так врываться сюда, – переступая через кучи хлама, ворчу я. – И уже говорила вам, насколько это опасно.

Анна ерзает у меня на руках, вынуждая опустить ее на пол, а затем обхватывает меня за талию.

– Мы хотим играть.

Широкая улыбка отражается в ее светло-голубых глазах, отчего у меня все сжимается в груди. Но я подавляю проснувшиеся чувства, заставляя себя быть сильной. Мне нужно возвести вокруг сердца толстые стены и выковать внутри клинок, который пригодится, когда я выберусь отсюда.

А я обязательно это сделаю. Потому что устала от вечного контроля. Почти все, кого я знаю, пытались манипулировать мной или лгали. Даже мое существование обусловлено нуждами другого человека. Но я больше не позволю мной помыкать.

Я хочу жить, стать свободной и готова бороться за это.

Лаклан и Цзюнь Бэй сейчас работают над кодом, способным изменить сознание людей. Они считают, что сделают мир лучше, если изменят человечество против его воли. Но я уже дважды вставала у них на пути и готова сделать это вновь, превратив свою злость в оружие.

У меня осталось достаточно сил, чтобы разрушить их планы.

Но для начала мне нужно выбраться отсюда.

Генкиты лаборатории, ее терминалы и все интерфейсы, которые мне удалось найти, оказались запрограммированы удерживать меня здесь, но они тоже часть симуляции, а значит, созданы кодом. А код можно взломать. Мне только нужно найти лазейку. В этой лаборатории есть четыре промышленных генкита, привинченных к стенам, и я разобрала их на кусочки. Выдернула из них все – провода, баки с нанораствором, – пока от них не остались лишь металлические скелеты. После чего медленно собрала их обратно, кусочек за кусочком, пытаясь разобраться в закономерностях симуляции.

Если я не смогу найти способ выбраться отсюда, возможно, мне удастся построить его.

– Я работаю, – говорю я. – И просила не беспокоить меня сегодня.

– Ну, пожалуйста, – подпрыгивая на месте, спрашивает Леобен.

Его глаза блестят, руки тонкие, как тростинки, а шею обвивают швы.

Я провожу рукой по волосам. Зиана прижимается к Анне и смотрит в пол. Пятилетний Коул прыгает вместе с Леобеном, и мое сердце замирает. Я до сих пор не привыкла к тому, что вижу его. А еще Цзюнь Бэй. Каждый раз при виде их маленьких мордашек у меня все сжимается внутри. И это никак не помогает мне выстраивать защиту вокруг сердца.

Стены лаборатории начинают дрожать. Анна визжит и крепче обхватывает меня за талию.

– Все хорошо, – успокаиваю я девочку. – Сейчас все закончится, как и всегда. Не переживай.

Дети теснее прижимаются друг к другу. Подобные толчки сотрясают лабораторию последние несколько недель. Уверена, их вызывает Цзюнь Бэй, хотя наверняка, и сама не подозревает об этом. Иногда мне удается уловить обрывки звуков или увиденные ею образы. Например, кровь на ее коже или заполненную жужжащими генкитами комнату, на стенах которой нарисованы бабочки. Она проводит какие-то эксперименты над своим телом. Мне неизвестно, что задумала Цзюнь Бэй, но знаю наверняка, что каждый раз, когда кто-то из нас испытывает боль, лаборатория начинает трястись, а имплант в основании черепа, удерживающий барьер между нашими сознаниями, деформируется.

И когда-нибудь он выйдет из строя.

Еще один толчок сотрясает стены, а комната начинает раскачиваться. Баки с грохотом валятся на один из разобранных генкитов и разбиваются об пол. Я переступаю с ноги на ногу, стараясь сохранить равновесие, и перевожу взгляд на детей. Кажется, они не пострадали, но им нужно убраться отсюда подальше, пока они не поранились.

– Пойдемте отсюда, – подталкивая Анну к двери, говорю я.

Комната снова кренится, а по потолку расплзается трещина. Анна кричит и прижимается ближе ко мне.

– Кэтти, – хватая меня за рубашку, зовет Леобен. – Кэтти, стены ломаются.

Зиана начинает плакать и цепляется за мою руку. Пол снова сотрясается, но даже в этом шуме мне удается слышать шаги в коридоре. Замерев, я бросаю быстрый взгляд на приоткрытую дверь лаборатории.

Здесь, кроме нас, есть только один человек. Еще одна трехмерная проекция, как и пятеро детей передо мной. И это тот, кто создал Цзюнь Бэй. Я избегала его последние несколько недель, притворяясь, что его не существует, но только он может сейчас идти по коридору. И от этой мысли у меня в венах стынет кровь.

Лаклан.

Я сглатываю, борясь с нахлынувшим страхом. Мне посчастливилось запереть его в кабинете несколько недель назад, но, судя по всему, ему удалось выбраться. Протолкнувшись сквозь детей, я на цыпочках подхожу к двери и выглядываю в коридор. Он совершенно пуст, но в мерцающем свете ярких треугольных ламп замечаю, как кто-то поднимается по лестнице. Высокий мужчина в темной куртке. Я разглядела лишь его руку, но это может быть лишь Лаклан. Видимо, из-за толчков дверь в его кабинет открылась, и теперь он идет за нами.

Снизу раздается тихое всхлипывание. Я опускаю глаза и натываюсь на Леобена.

– Он выбрался, – шепчет мальчик.

Я киваю, стараясь сдержать эмоции.

– Не волнуйся. Я не позволю ему забрать тебя.

Человек на лестнице замирает, а через мгновение лабораторию сотрясает еще один толчок. Думаю, Лаклан услышал нас и теперь вернется сюда. Вот только дверь в лабораторию не запирается, так что мне не удастся остановить его, если мы останемся тут. Да и я не позволю ему причинить боль этим напуганным детям, которые вот-вот расплачутся.

Я понимаю, что они ненастоящие, но при виде страха в их глазах сердце все равно щемит от боли. Да, эти малыши лишь образы симуляции, но из их глаз текут слезы, а из ран – кровь.

Может, когда-нибудь и Лаклан истечет кровью.

– Пойдемте, – шепотом зову я, после чего подаю детям знак рукой, чтобы следовали за мной.

Я выскакиваю в коридор и бегу к крошечной кладовке, скрывающейся за одной из соседних дверей. Там тесно и темно, а вдоль стен выстроились полки с лабораторным оборудованием. Дрожащие дети с широко раскрытыми глазами заскакивают внутрь вслед за мной, и я успеваю захлопнуть дверь за секунду до того, как в коридоре вновь раздаются шаги. От очередного толчка стакан, стоящий на полке рядом со мной, летит на пол. Но никто из детей даже не шелохнулся. Человека в коридоре они боятся больше, чем разбитого стекла на полу. И трудно их осуждать за это.

Шаги за дверью у меня за спиной становятся громче. Сердце колотится в груди. Кто-то из детей тихо всхлипывает. Я осматриваю полки в поисках ножа, скальпеля, да чего угодно, но нахожу только блестящие осколки стекла на плиточном полу. Опустившись на колени, я поднимаю один из них и сжимаю в кулаке. Края впиваются в кожу, и по костяшкам пальцев струится кровь, но эта рана ненастоящая. Это не моя боль и не мое тело.

Сейчас я что-то подсознательное. Что-то сотканное из силы воли и настойчивости, живущее по непонятной мне причине. Но в одном у меня нет сомнений – я больше не позволю Лаклану Агатте причинять нам боль.

Шаги уже близко, а через мгновение щелкает ручка. Я слышу его дыхание, чувствую, как он замер за дверью. Развернувшись, я хватаюсь за ручку и толкаю дверь. А затем плавным движением всаживаю осколок ему в бок.

Стекло врезается в мою ладонь, когда острые края прорезают его кожу. Он отшатывается и, схватившись за бок, смотрит на меня широко раскрытыми от шока глазами. Кровь вытекает из раны и пропитывает рубашку.

Вот только это не Лаклан.

К противоположной стене прижимается Леобен. Не маленький мальчик, дрожащий у меня за спиной, а человек, которого я знала в реальном мире. Высокий, широкоплечий мужчина с татуировками и копной светлых волос.

И сейчас он с ужасом смотрит на меня.

– Какого черта ты творишь, кальмар?

Глава 3

Цзюнь Бэй

Взрывная волна от бомб-пуговок сотрясает стены и сбивает меня с ног. Я с силой ударяюсь о каменистый пол пещеры и тут же пытаюсь отползти назад, подальше от обрушивающегося потолка. Уши заполняет шум помех, потому что звуковые фильтры не справляются с нарастающим грохотом от летящих вниз обломков, а нос – плотная дымка удушливой серой пыли, погружающая пещеру в темноту. Дрожа, я сворачиваюсь в клубок, стараясь защититься от камней, отлетающих мне в спину. Некоторые из них с легкостью отскакивают в сторону, но те, что покрупнее, врезаются в ребра, выбивая из меня дух. А маленькие острые осколки камней, попадая на шею и плечи, оставляют на память обжигающие полосы на коже.

И вдруг все стихает.

– Цзюнь Бэй? Ты в порядке?

Шум в ушах стихает, сменяясь взволнованными приглушенными голосами. Это Рейн зовет меня с другой стороны пещеры. Мои ребра ноют, глаза зажмурены, а горло сотрясает кашель.

– Я... Я в порядке.

Как только я поднимаю голову, у меня тут же перехватывает дыхание от боли, которая разливается по позвоночнику от этого движения, но я все же пытаюсь оглядеться.

В пещере так темно от взметнувшейся в воздух каменной пыли, что даже зрительному модулю удается выхватить лишь пару точек света из тоннеля, по которому мы сюда прибежали. Так что я не знаю, сработал ли взрыв, удалось ли нам перекрыть доступ к бункеру. Пыль облепила горло и царапает легкие, как наждачная бумага. Поморгав, я стряхиваю с головы облако песка и гальки, а затем заставляю себя сесть. Спину и ноги опалает болью, но перед глазами не вспыхивает ни одного предупреждения. А значит, ничего не сломано и нет сильного кровотечения. Только несколько десятков ссадин, порезов и синяков, с которыми я промучаюсь несколько дней.

– А... А, ты как? – кашляя, окликаю я Рейн.

– Мы в порядке, – кричит она в ответ. – И собираемся отвести раненых в атриум. Оставайтесь там... я отправлю за вами команду.

Я наклоняюсь и выплевываю меловую пыль, заполнившую рот. Дымка медленно рассеивается, открывая груды валунов и щебня, заполняющих развилку тоннеля. Рейн и большинство других оказались по другую сторону завала, ближе к бункеру. Похоже, вход в пещеру обвалился, как мы и надеялись. Некоторые из одичалых убежали от взрыва, но некоторых погребло под завалом.

Надеюсь, хотя бы один из них выжил. Тогда я смогу протестировать на нем «Панацею».

Голоса эхом разносятся из-за завала – Рейн и остальные выкрикивают друг другу инструкции, как лучше транспортировать раненых. Я, покачиваясь, встаю на колени. Теплая струйка стекает по моему лицу. Когда она добирается до моих губ, я чувствую отчетливый привкус меди. На лбу большая шишка, а мысли туманятся от попыток подняться.

– Кто-нибудь еще здесь есть? – зову я. – Руз?

– П-помогите, – доносится из-за спины хриплый женский голос.

Я оборачиваюсь и вглядываюсь в пелену пыли. Руз, кашляя, сидит в нескольких метрах от меня. Чуть дальше за ним лежат три тела. Двое из них похожи на одичалых, но третий, судя по изогнутым рогам, торчащим из висков, явно из генхакеров. Их горла перерезаны, тела рас-

простерлись на земле. Я скольжу взглядом дальше в поисках обладательницы голоса и наконец натякаюсь на две покрытые пылью фигуры, привалившиеся к стене. Одна из них сидит на пятках, положив голову другой на свои колени. Это Матрикс и ее жена – женщина, которую одичалые разрывали собственными руками. В ее животе зияет дыра, а кожа почернела от крови и пыли, но по боку все еще стекают алые струи. Судя по всему, она еще жива.

– Черт побери, – выдыхаю я, а затем бегу к ним и падаю рядом на колени.

Руз, хрипя, вскакивает на ноги и несется вслед за мной. Тело женщины пострадало от обвала, а живот разрезан по диагонали одичалыми. Рана настолько огромная, что кишки вывалились наружу и сейчас поблескивают под слоем пыли. Но крови на удивление не так много. Видимо, у нее стоит алгоритм, снижающий кровотечение. И, возможно, повышающий уровень гемоглобина в крови. Так что если все модули и коды настроены верно, то даже с такой большой раной она может выжить. Вот только я сомневаюсь, что она долго протянет.

От этой мысли у меня перехватывает дыхание. Эта женщина – идеальный объект для эксперимента, способного помочь мне закончить «Панацею».

Я вызываю интерфейс манжеты и посылаю поисковый импульс. «Панацея», по задумке, должна возвращать людей к жизни – вот почему Лаклан старался установить ее как можно большему количеству людей. Она способна блокировать или вызывать любой инстинкт, включая ярость, страх и даже инстинкт, лежащий в основе смерти. «Панацея» откроет перед нами новый мир. Даст нам бессмертие. Вот только она пока не работает.

Ее алгоритм выдает сбой с тех пор, как Лаклан разослал его вместе с вакциной. Вот только я не помню, как написала этот код, поэтому не могу его исправить. Мне лишь известно, что в нем чего-то не хватает, крошечного кусочка в головоломке из девяти миллионов строк кода.

На поиск этого недостающего фрагмента потребуется как минимум несколько недель исследований, но существует шанс, что мне удастся выявить все быстро с правильным подопытным. Если запустить «Панацею» и посмотреть, что происходит, когда она дает сбой, возможно, ответ окажется очевидным. Но это непросто сделать. Ведь для этого нужно увидеть, как код ведет себя в человеке, который умирает.

Я подключаюсь к панели женщины. Но на ней стоит система защиты. Я поднимаю глаза на Матрицу. Она стоит на коленях рядом со своей женой, а по ее, покрытым серой пылью щекам, текут дорожки слез.

– Дай мне доступ к ее панели, – прошу я. – Возможно, мне удастся спасти ее.

Во взгляде Матрицы, метнувшегося к моему лицу, вспыхивает надежда. Она моргает, и у меня перед глазами вспыхивает папка с данными. Я тут же захожу в панель женщины и загружаю ее модули.

Ее зовут Клара. Она из фермеров и живет на склонах гор. Ей двадцать лет, и ее тело набито хитрыми, содержательными кодами. Она умна, молода и явно не заслуживает подобной смерти. Надеюсь, Кларе удастся вырваться из ее лап.

Работу большинства алгоритмов отследить довольно легко, но анализ чего-то сложного, как «Панацея», требует полного генетического сканирования. Код гентеха по-разному действует на людей из-за уникальности их ДНК, поэтому, чтобы понять, из-за чего возникла ошибка в «Панасее», мне нужно узнать, как в принципе работает ее тело. А значит, необходимо просканировать каждую клетку, каждый ген и каждую мутацию, вызванную работой алгоритмов, которые Клара использует. Это позволит мне увидеть, где сбоит «Панацея», остановить алгоритм и мгновенно исправить его. Так что есть шанс, что мне удастся быстро переписать код и спасти Клару.

Да, ее сердце перестанет биться, но она вернется к жизни, целая и невредимая. Главное, чтобы она не умерла до того, как я закончу сканирование.

– Нужно убираться отсюда, – прокашлявшись, говорит Руз. – Одичалые могут напасть снова.

– Мне нужна минута, – говорю я, запуская сканирование.

Я прокручиваю список повреждений Клары. Просто чудо, что она еще жива. Но если она умрет до окончания сканирования, то вся затея окажется бесполезной. Поэтому сейчас нужно придумать, как ее стабилизировать.

Отправив несколько команд со своей манжеты, я запускаю исцеляющий модуль на ее панели. А затем открываю набедренную сумку и достаю рулон скотча. Клара тихо стонет и вздрагивает, когда новый код заполняет ее тело.

– Нужно закрыть ее рану, – говорю я Матрице, отрывая зубами полоску скотча. – И это будет болезненно. Так что мне нужно, чтобы ты крепко держала ее.

Глаза Матрицы вспыхивают, но затем она кивает и хватает Клару за руки.

Я втягиваю воздух и, собравшись с духом, запикиваю скользкие ленты кишечника Клары обратно в живот.

Ее глаза широко распахиваются, спина выгибается, а с губ срывается крик. Матрица еще сильнее сжимает ее руки, прижимая к полу пещеры. Я туго стягиваю рану скотчем, а затем приклеиваю еще одну полоску крест-на-крест, удивляясь, что клей держится, несмотря на толстый слой пыли, покрывающий кожу. Отражающийся от стен крик Клары превращается в стоны.

– Руз, помоги нам! – кричу я, неуклюже пытаюсь выдернуть кабель подключения из манжеты.

Потемневшими от крови и песка руками, я разворачиваю провод и втыкаю его в живот Клары, чтобы выплеснуть живой поток нанитов, которые стянут ее кожу.

– Сейчас ей будет еще больнее.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? – прижимая ноги Клары, спрашивает Руз. – Ей очень больно. И если это не работает...

– Меня не волнует, насколько ей больно, – огрызаюсь я. – С этим ничего не поделать.

Глаза Клары закатываются, а с губ срывается стон, когда наниты начинают работать. Кожа на ее животе пузырится, а на краях раны мерцает серебро. Процесс сканирования закончен на шестьдесят процентов, но он замедляется, потому что исцеляющий модуль перетягивает на себя всю энергию панели Клары. Я нахожу нужный код, а затем отправляю ей, чтобы стабилизировать эти процессы и сбалансировать нагрузку. И теперь мне остается только ждать.

– В этих тоннелях не должно быть столько одичалых, – бормочет Руз. Он отклоняется в сторону, подальше от ног Клары, и сплевывает на пол. – У нас слишком слабая система безопасности. Нужно провести патрулирование и проверить все еще раз.

Я оглядываюсь через плечо на покрытые пылью тела одичалых, вспоминая, как сверкали их безумные глаза во вспышках выстрелов. Я уже сталкивалась с гневом раньше – Лаклан вызывал его в Коуле десятки раз, пока мы жили в лаборатории, пока проверял связь между его ДНК и врожденными инстинктами. Но я никогда не сталкивалась лицом к лицу с тем, кто так сильно затерялся в нем. Нечто подобное мне довелось увидеть в Саннивейле, когда светодиоды на панелях людей стали оранжевыми, но в ту ночь я смотрела на мир глазами Катарини. И те люди не были одичалыми. Они пострадали от рук Лаклана, решившего использовать «Панацею» как оружие против каждого человека в том городе.

Вздвигнув, Клара с трудом втягивает воздух, а ее кожа покрывается бисеринками пота. Кровяное давление резко падает, но процесс сканирования завершился лишь на восемьдесят процентов.

– Она умирает, – говорит Руз. – А здесь вскоре может появиться еще больше одичалых. Нам нужно уходить, Цзюнь Бэй. Нужно предупредить остальных и защитить город.

– Она не умирает, – возражаю я. А затем регулирую поток нанитов и добавляю к нему дозу адреналина, который заставит сердце Клары биться. – Я смогу ей помочь.

Глаза Руза сужаются, когда он смотрит на кабель, торчащий из моей манжеты.

– Ты испытываешь «Панацею». Цзюнь Бэй, я же запретил тебе...

– Я помню, – бормочу я. – Больше никаких экспериментов на людях. Но сейчас совершенно другая ситуация, Руз. Возможно, это единственный шанс ее спасти.

А еще это отличный шанс провести опыт на том, кто на самом деле умирает.

Руз молча переводит взгляд на Матрицу. А та просто смотрит вдаль, но в выражении ее лица есть что-то безумное. Будто она не здесь, ушла в себя, хотя и продолжает сжимать руки Клары.

Процесс сканирования завершился уже на девяносто процентов, когда позади нас раздаются шаги. Руз напрягается, а через мгновение по пещере разносится эхо от выстрела. Вот только трудно сказать откуда его принесло: из нашего тоннеля или ответвления, где прячутся одичалые. Когда сканирование подбирается к девяноста пяти процентам, еще один выстрел рикошетит от каменных стен пещеры.

Отпустив Клару, Руз вскакивает на ноги и достает пистолет.

– Нужно уходить. Сейчас не время для твоих экспериментов, Цзюнь Бэй. На нас могут напасть – одичалые могут оказаться лишь отвлекающим фактором. Мы можем попытаться унести ее отсюда, но важнее обезопасить эти тоннели.

– Ну и иди, – огрызаюсь я, сканируя жизненные показатели Клары.

Сканирование практически закончено, но ее сердце работает на износ. Нужно, чтобы она умерла – мне не добиться никаких результатов, пока Клара жива, – но также нужно, чтобы она продержалась еще минуту.

– Сейчас в опасности множество людей, – сурово говорит Руз. – И если это лишь часть большой атаки, то мне нужна твоя помощь. Нельзя отсиживаться здесь ради эксперимента, когда весь город под угрозой. И я не знаю, почему ты не понимаешь этого.

– Ты хотел сказать, почему я не делаю то, что мне говорят? – рычу я. – Сейчас нет ничего важнее в мире, чем «Панацея». И я не знаю, почему ты не понимаешь этого.

Его серебристые глаза сужаются, поблескивая в тусклом свете, пробивающемся сквозь облака пыли. Он так упрям и так сосредоточен на защите Энтропии. Мне не понять, почему люди выбрали его своим лидером. Регина была дальновидной, а еще дикой и хитрой. Она мечтала о дерзком новом мире. А Руз прагматик. Он умен, но у него совершенно отсутствует воображение. Он никогда не видел «Панацеи» и не понимает, какой же это дар на самом деле.

Перед глазами вспыхивает оповещение, что сканирование завершено. Я вновь смотрю на Клару и облегченно вздыхаю. Она все еще жива, и осталось лишь подождать, когда ее переполнят инстинкты смерти, и запустить «Панацею». Когда ее сердце остановится, а органы начнут отказывать, я смогу увидеть, что не так.

Вот только ее сердце продолжает биться. Нахмурившись, я изучаю жизненные показатели Клары. Еще минуту назад ее сердце работало на износ, но сейчас оно успокоилось. Удары медленные и слабые, но они есть. Синева на губах исчезает, а с кожи уходит бледность. Ее живот – бурлящая масса пурпурной, пузырящейся плоти, но рана запечаталась.

Клара будет жить.

– Нет, – шепчу я.

Ей же вспороли живот. Одичалые ковырялись в ее внутренностях. Да, я стабилизировала ее, но она не должна была выжить. Я не смогу протестировать «Панацею», если она не умрет. Вот только с каждой секундой Кларе становится все лучше – она выздоравливает. Видимо, я слишком хорошо ее лечила.

Руз смотрит на нее с высоты своего роста, и на его лице появляется изумление.

– Ты спасла ее.

Я качаю головой и молча сжимаю руки в кулаки. Не говорить же Рузу и Матрице, что мне хотелось совершенно иного, что Клара должна была погибнуть. Я не смогла проверить,

где сбоят «Панацея», а запуск сканирования оказался пустой тратой времени. Клара спасена, и в глубине души меня это радует, но «Панацея» могла бы спасти всех, если бы мне удалось ее закончить. Я поднимаюсь на ноги и выдергиваю кабель из панели Клары, пытаюсь скрыть собственное разочарование. Но Матрица все еще стоит на коленях с застывшим взглядом и сжимает руки своей жены. Она даже не вздрагивает, когда шаги, эхом разлетающиеся по тоннелю, становятся громче.

Еще один выстрел рассекает воздух, и Руз отступает на шаг.

– Вы сможете утащить ее отсюда вдвоем? Я поднимусь на поверхность и посмотрю, далеко ли команда Рейн. А затем прослежу, чтобы кто-то пришел вам на помощь.

– Хорошо, иди, – говорю я.

Как только Руз скрывается за изгибом тоннеля, я хватаю Клару за руку, чтобы перекинуть через свое плечо. Она не может идти сама, но нам с Матрицей под силу вытащить ее на поверхность. Вот только та все еще не отпустила руки своей жены. Она прижимает их к полу пещеры и смотрит вдаль с застывшим взглядом.

– Эй, Матрица, – зову я. – Пойдем, нужно выбираться отсюда.

Женщина переводит взгляд на потолок и покачивается, но позы не меняет. Что-то не так с ее глазами. Издалека доносится крик Руза, а затем раздаются выстрелы.

– Матрица, – разочарованно повторяю я. – Очнись уже. Нам нужно уходить.

В ее глазах медленно появляется осознанность происходящего, а руки разжимаются. Она открывает рот, и с ее губ срывается странный, сдавленный крик. Я осторожно отстраняюсь подальше, когда уголки ее губ начинают дрожать. Вот только они не поднимаются в улыбке, они растягиваются в оскале.

В ее глазах вспыхивает безумие, и она бросается вперед. Я уворачиваюсь и пытаюсь подняться на ноги, но не успеваю – Матрица хватается за волосы и ударяет локтем по лицу, моя голова запрокидывается, а зубы щелкают. Я стискиваю ее за запястье, пытаюсь вырвать волосы из ее хватки, но она набрасывается на меня как взбесившееся животное.

Нет, не животное. А как одичалая.

Но это невозможно. Я ударяю кулаком ей в ребра, вырываю ее руку из своих волос и отшатываюсь назад. Люди не превращаются в одичалых. Гнев не заразен.

В тоннеле раздаются шаги, вот только непонятно, это Руз или еще одна группа одичалых. Пошатнувшись, я разворачиваюсь и пытаюсь убежать прочь от Матрицы. Но прежде, чем успеваю сделать шаг, она, оскалив зубы, бросается на меня и вгрызается в мое лицо.

Перед глазами все начинает вращаться, уши заполняет шум помех, а ноги подкашиваются. Все мои чувства заполняет набат боли, который пронзает меня, когда едва зажившая кожа на моей щеке начинает рваться. Матрица визжит и отводит голову назад, чтобы укусить вновь, а я отчаянно ищу на своей панели хоть какой-то код, способный остановить ее. Вот только мне с трудом удается даже собраться с мыслями. Перед глазами все расплывается, а мои нервные окончания будто наполнены помехами. Я чувствую, как зубы Матрицы царапают подбородок и как ее руки сжимаются вокруг шеи. Я вслепую пытаюсь отыскать «Косу» сквозь застилающую глаза темноту и натываюсь на нее как раз в тот момент, когда из-за поворота тоннеля появляется какой-то человек.

Через мгновение пещеру сотрясают два выстрела, а Матрица слетает с меня, кровь разбрызгивается вокруг. Человек бежит к нам через пещеру и присаживается рядом со мной. Но это не Руз и не Рейн. Это солдат в черной броне. Темнота окутывает меня, пожирая мой разум, а боль в щеке расплзается до самой шеи.

– Цзюнь Бэй! Держись! – поднимая забрало, просит меня солдат. – Я нашел тебя. Я здесь.

Его голос что-то задевает внутри, что-то подсознательное и непреодолимое. А светло-голубые глаза пристально смотрят на меня, пока темнота не утягивает меня в пучину.

Это Коул.

Глава 4

Катарина

Леобен прислоняется к стене, прижав руку к боку. Его тень дрожит на кафельном полу коридора в мерцающих лампах дневного света. Алая кровь стекает по пальцам, впитываясь в серую ткань футболки. Под его глазами виднеются синие полосы, которые кажутся неестественно белыми на фоне темной кожи, покрытой татуировками.

Наши взгляды встречаются, и что-то в его глазах пробирает меня до глубины души.

Юноша передо мной не трехмерная проекция, как пятеро детей у меня за спиной. В его глазах светится искра жизни. Я так давно провожу время с проекциями детей, что даже не заметила, что она у них отсутствует, но теперь мне это совершенно ясно.

Это Леобен... Мой Леобен. И он здесь.

– Как же больно, черт побери, – стонет юноша.

Леобен задирает футболку, открывая рану шириной в пару сантиметров между ребрами. Кровь размазана по животу и стекает извилистыми струйками с пояса на пол.

– Что за идиот закодировал настолько реалистичную симуляцию, что людей можно зарезать?

Я отступаю на шаг, сильнее стискивая осколок в ладони. То, как Леобен смотрит на меня, как говорит... Кажется, он меня помнит. Но это невозможно. Цзюнь Бэй стерла несколько недель из воспоминаний жителей всего мира. Существует лишь несколько человек, которые знают о моем существовании, и Леобен не из их числа.

– Ли? – шепчу я. – Это... это действительно ты?

Он поднимает глаза и замирает, наткнувшись взглядом на пятилетнюю версию самого себя среди детей у меня за спиной.

– Черт, кальмар, это гораздо запутаннее, чем я думал.

Я молча смотрю на него, чувствуя, как колотится сердце. Он действительно меня помнит. Это Леобен – парень, которого я считала своим братом. Тот, что пытался научить меня драться, когда мы разбили лагерь у его джипа, пока Коул восстанавливался. Тот, что заставил меня надеть футболку с изображением кальмара. Мне требуются все мои силы, чтобы не отшвырнуть осколок в сторону и не обнять его, чтобы зарыться ему в шею и выплакать все те слезы, что я старательно сдерживала последние недели.

За это время я бесчисленное количество раз воображала, как кто-то придет и найдет меня здесь, но понимала, что это невозможно. Так что неудивительно, что при одном взгляде на Леобена у меня подкашиваются ноги. Еще один толчок сотрясает лабораторию, и в голове тут же вспыхивают отрезвляющие слова, которые я повторяю себе каждый долгий мрачный день в этой симуляции.

«Не обманывайся».

Может Леобен и объявился тут, чтобы помочь, но нужно еще в этом убедиться и понять, как он пробрался в симуляцию. Я ведь не просто заперта в какой-то лаборатории – я заперта внутри тела, которое мне не принадлежит. Это симуляция создана нейронным имплантом в черепе Цзюнь Бэй, а значит, Леобен должен был как-то его взломать. Так что лучше держать себя в руках, пока не выясню, что происходит. Только идиот станет прыгать от счастья, поймав проблеск надежды.

Я делаю медленный вдох и скручиваю свои эмоции в тугий клубок в груди.

– Как ты здесь оказался, Ли?

– Это долгая история... – начинает он, но тут же замолкает, когда стены сотрясает новый толчок.

Пол ходит ходуном. Я напрягаю ноги, ожидая, пока все успокоится, но за ним следует еще один и еще, под перелив мензурок, стоящих на металлических полках позади меня. Дети еще ближе прижимаются ко мне, а Анна обвивает руки вокруг моей ноги.

Леобен хватается за стену.

– Что, черт возьми, происходит?

По лаборатории разносится треск, а по потолку расплзается паутина из трещин. Я поднимаю глаза и едва успеваю увернуться от куска штукатурки.

– Каждый раз, когда Цзюнь Бэй получает ранение, симуляция становится нестабильной. Но обычно это быстро заканчивается.

Мензурки со звоном падают вниз и разбиваются о бетон. Дети с визгом отползают в сторону.

У меня по спине расплзается холодок. Это не похоже на толчки, случавшиеся раньше. Да, они всегда были сильными, но ни один из них даже не сравнится с этим. В груди разрастается вибрация, словно кто-то рядом врубил басы на полную мощность. Но я по-прежнему не вижу картинок или проблесков происходящего перед глазами Цзюнь Бэй. Либо она сильно ранена, либо присутствие Леобена повлияло на симуляцию – а может, и то и другое вместе.

– Готова выбраться отсюда? – кричит Леобен. – Мне не по себе от этого места.

Внутри все вспыхивает от одного упоминания возможности выбраться отсюда, но я подавляю эти порывы.

– Подожди-ка, а почему ты вообще меня помнишь?

По его лицу пробегает тень.

– Я был в защищенном от электромагнитных полей месте во время запуска стирания воспоминаний. Моя панель отключена, и все это время я торчал в «Картаксе», пытаюсь понять, что, черт возьми, с тобой случилось. Так что, если ты не против, я бы хотел вытащить нас отсюда, пока это место не рухнуло.

В защищенном от электромагнитных полей месте. Ну, конечно. Дакс появился в Энтропии, чтобы забрать Леобена как раз перед тем, как Цзюнь Бэй запустила процедуру стирания воспоминаний. Так что, находясь в отключке, да еще и с обесточенной панелью в «Комоксе», Леобен не пострадал от сигнала, который стер все воспоминания.

– Но как ты оказался здесь? Ведь сюда можно попасть только с помощью Лаклана и «Картакса».

– Ну я не так уж безнадежен, – говорит он и тут же морщится от нового толчка, сотрясающего лабораторию. – Я сам кодировал симуляции, когда был моложе. Конечно, не такие жуткие, но вполне разбираюсь в VR-кодах. Так что я знаю, как вытащить тебя отсюда, и нам лучше поторопиться. Имплант в твоей голове не справится с этой симуляцией, если разделить вас с Цзюнь Бэй.

Нить беспокойства сжимается внутри. Леобен отлично умеет кодировать и прекрасно разбирается в компьютерах и сетях, но он не кодировщик гентеха. И даже если ему удалось отыскать способ подключиться к импланту, разделяющему нас с Цзюнь Бэй, удаленно, то откуда он все это знает? Это передовые технологии, разработанные Региной и доведенные до совершенства Лакланом и Цзюнь Бэй.

А значит, что-то тут не так.

– Откуда ты так много знаешь об импланте? – спрашиваю я.

Судя по лицу Леобена, его удивляет недоверие в моем голосе. Он сдавленно усмехается, все еще прижимая руку к ране на боку.

– Мне следовало догадаться, что ты станешь придирааться. Я все тебе объясню, но нам нужно уходить. И как можно быстрее. Я пытаюсь спасти тебя, кальмар.

Я вглядываюсь в его лицо, все сильнее стискивая осколок стекла в руке, отчего из ранок проступает кровь. Не похоже, что он лжет. Сейчас Ли больше напоминает того милого и дерзкого парня, которого я знаю. Пол содрогается вновь, я слегка приседаю, чтобы удержать равновесие, а целый ряд мензурок падает на пол. Зиана кричит от страха и убегает от нас в глубь коридора. Мне все еще непонятно, как Леобен попал сюда и как он собирается вытащить меня, но это единственный реальный человек, которого я видела за последние недели. И я не сомневаюсь, что он сказал правду: имплант скоро не выдержит. Я чувствую, что он уже работает на износ, чувствую, как бурлит океан разума Цзюнь Бэй за его преградой. И она намного тоньше, чем когда-либо за последнее время. От этого боль в основании черепа становится все сильнее. И единственная возможность не погибнуть в пучине – это выбраться отсюда.

Может, Леобен и лжет мне, но мне все равно придется ему довериться. У меня нет другого выбора.

– Хорошо, – говорю я, роняя осколок и вытирая окровавленную руку о свитер. – И как отсюда выбраться? Я уже все перепробовала.

– Нам нужно добраться до главного интерфейса. – Поднявшись с колен, Леобен оборачивается и смотрит на коридор. – Нужно, чтобы ты вышла из симуляции.

– И все? Просто выйти из симуляции? – уточняю я, хлопая себя по лбу. – Ничего себе, Ли. И как я раньше не догадалась? Ты что правда думаешь, что я тут прохлаждалась?

Он поднимает бровь и смотрит на детей, столпившихся за моей спиной.

– Скорее нянчилась с более симпатичной версией меня.

Я закатываю глаза и указываю на коридор.

– В лаборатории есть несколько генкитов, но последний, который мне удалось взломать, взорвался.

– Давай проверим их. Должен же быть выход. И я обязательно его для тебя найду.

Отцепив детские ручки от штанов, я шагаю за ним к двойным дверям лаборатории.

– Что происходит в реальном мире? Вакцина еще держится?

– Понятия не имею. – Леобен толкает дверь. – Ученые «Картакса» не разрешают мне подключаться к их сетям. – Он подходит к генкитам у стены и его глаза стекленеют. – Кажется, с их помощью мы сможем вытащить тебя. Давай, я подключу тебя.

Я пересекаю комнату и, остановившись рядом с ним, оглядываюсь.

– А что будет с детьми?

Ли поворачивается ко мне, и черты его лица смягчаются.

– Они настоящие, кальмар.

У меня перехватывает горло, когда я смотрю на перепуганные грязные мордашки детей. Я знаю, что они настоящие. Знаю, что они лишь частички симуляции. Но это не успокаивает мое ноющее сердце от мысли, что придется их оставить здесь.

– Для меня они настоящие, – шепчу я. – И они единственные, кто был здесь со мной.

– С ними все будет в порядке, – говорит Леобен. – Симуляция не уничтожится. Она просто выключится.

Вздыхнув, я опускаюсь на колени рядом с детьми. Леобен прав. У них все будет в порядке, в отличие от меня, если не оставлю их сейчас.

– Ладно, малыши, мне пора. Простите... но я не могу остаться здесь с вами.

С мгновение они молча смотрят на меня широко раскрытыми глазами, а затем Цзюнь Бэй протискивается сквозь толпу и вытаскивает скальпель из рукава. Ловко прокрутив его между пальцами, она протягивает его мне рукояткой вперед.

– Возьми, – говорит она. – И не позволяй никому причинить тебе боль. Хотя бы один из нас должен выбраться отсюда.

Я ошеломленно моргаю. Это первые слова за проведенные мной здесь три недели, которые она мне сказала. Мне казалось, что ее голос будет звучать пронзительно и дерзко, но он

ласковый. А сама Цзюнь Бэй застенчива. И она помогает мне. Сейчас она выглядит слишком взрослой для своих пяти лет, и я не думаю, что это ошибка в симуляции. Скорее, Цзюнь Бэй такая на самом деле под всем этим налетом навыков, гениальности и грандиозных планов.

Думаю, она обычная застенчивая девочка с ужасным детством, научившим ее прятать оружие в рукавах.

– Спасибо, – смотря ей в глаза, пока она не отворачивается, отвечаю я и забираю скальпель.

Взгляд Леобена застывает на Цзюнь Бэй, а на его лице появляется странное выражение.

– Пойдем, кальмар, – зовет он, продолжая смотреть на девочку и сжимая в руках кабель генкита. – Давай выбираться отсюда.

Я кладу скальпель в карман и протягиваю ему руку с манжетой, но замираю.

– Подожди-ка, если тебе не давали доступа к сетям «Картакса», то как ты смог пробраться ко мне сюда? Ты же получил доступ к импланту дистанционно, верно? А для этого нужно подключиться к спутниковой связи.

– Все очень сложно. И сейчас нет времени это объяснять.

Нахмурившись, я отдергиваю руку. Мне хочется выбраться отсюда, но все происходящее кажется очень странным. Леобен как-то оказался здесь и говорит, что хочет мне помочь, а теперь пытается присоединить кабель к моей руке, при этом явно скрывая что-то от меня.

– Почему бы тебе просто не сказать, как мне выбраться отсюда, и я сама все сделаю?

Он откидывает голову назад и раздраженно вздыхает:

– Почему с тобой всегда так трудно?

Я отступаю на шаг. Он точно что-то скрывает. Лишь несколько людей способны взломать этот имплант, и еще меньше знают, что он существует. Это Лаклан, Цзюнь Бэй и, возможно, несколько ученых «Картакса». Так что Леобен, скорее всего, сотрудничает с кем-то из них. И кто бы это ни был, он явно не хочет, чтобы я о нем знала.

– Расскажи мне, зачем ты проник сюда, – вытащив скальпель из кармана, прошу я.

Еще один толчок сотрясает лабораторию, и Леобен качает головой:

– У нас нет на это времени. Тебе нужно выбраться отсюда прямо сейчас.

– Нет, – уверенно говорю я. – Скажи мне, кто тебя сюда послал.

Леобен проводит рукой по лицу, а когда вновь встречается со мной взглядом, то в нем не остается ничего от моего друга. Теперь он агент «Картакса», способный убить меня голыми руками. Подобный взгляд я видела у него, когда мы тренировались. Когда он раз за разом набрасывался на меня и валил на землю. Да, сейчас мы находимся в симуляции – и здесь он вряд ли будет быстрее или сильнее меня, – но при виде этого выражения лица по спине ползут мурашки от страха.

Когда он сильнее стискивает кабель генкита в руках, я разворачиваюсь и бегу к двери.

– Черт побери, кальмар! – кричит он и бросается за мной.

Пол лаборатории усеивают обломки генкитов, а дети разбегаются в стороны, пока я бегу через комнату. Но тут мне под ноги попадает осколок разбитого стекла, отчего я поскользнулась и изо всех сил стараюсь удержать равновесие. Только уже поздно.

Леобен хватает меня за футболку и тянет на себя. Запнувшись, я вырываюсь из его хватки и сильнее стискиваю скальпель. Да, он отлично натренирован, но при этом ранен, так что я не оставляю надежды, что мне удастся дать отпор. Я замахиваюсь, целясь в его шею, но Леобен перехватывает мое запястье и, вывернув его, сбивает меня с ног.

Комната проносится перед глазами, а дыхание перехватывает. Резкая боль пронзает мой живот, простреливая ребра. Я перекатываюсь на бок и, зажмурившись, громко кричу.

Скальпель выпал из моих рук, Леобен возвышается надо мной, а из моего живота торчит зазубренный металлический осколок.

– Черт возьми, – глядя на меня, шипит он. – Ну зачем ты попыталась сбежать?

Он волочит меня по полу за руку обратно к генкиту. Перед глазами все плывет, легкие горят от нехватки кислорода. А боль в животе распространяется по всему телу обжигающими всполохами.

– Прости, кальмар, – продолжая тянуть меня за руку, бормочет он. – Мне действительно не хотелось, чтобы это случилось.

– Ли, пожалуйста! – молю я, пытаюсь вырвать руку из его хватки.

Но это бесполезно. Он слишком силен и слишком быстр.

Я громко кричу, но он вставляет кабель в мою манжету, и все вокруг заволакивает темнота.

Глава 5

Цзюнь Бэй

Придя в себя, я сразу понимаю, что что-то не так. Меня окружает полнейшая тишина – нет ни звуков, ни голосов, лишь боль, которая пульсирует в голове и простреливает челюсть так, будто в нее врезается множество иголок. Стряхнув остатки сна, которые туманили мысли, я вызываю интерфейс своей панели и загружаю основные данные. Судя по ним, я нахожусь в Энтропии, а мои жизненные показатели в норме, но мой исцеляющий модуль работает еле-еле... И я провалялась без сознания последние два часа.

Я резко открываю глаза и понимаю, что лежу в маленькой лаборатории на стальной кровати. Из-за пульсирующей, простреливающей боли перед глазами все плывет. Но мне удается разглядеть гладкий бетонный потолок и распознать в воздухе запах нанораствора. Слева от меня металлическая дверь, возле которой на полу валяется куча окровавленных бинтов, и ни одного намека на того, кто притащил меня сюда. Последнее, что я помню – мы обнаружили в пещерах одичалых и раненую женщину. Я поднимаю руку ко лбу и натываюсь на марлю и металлические зажимы, скрывающие небольшую шишку. В голове мелькает воспоминание, как на меня сверху падали камни. На левой стороне лица еще одна повязка. Я осторожно ошупываю рану под ней и понимаю, что она скрывает разорванную кожу и гладкие обнаженные кости.

Боль тут же пронзает тело. Я замираю и делаю несколько вдохов, пытаюсь вспомнить, что же произошло. Мы прибежали в пещеру, взорвали свод, чтобы остановить одичалых, и я исцелила жену Матрицы. После чего раздалась выстрелы, и мы попытались убежать.

Вот только Матрица взбесилась и напала на меня... А затем неожиданно появился Коул и застрелил ее.

– Черт, – чувствуя, как колотится сердце, выдыхаю я и перекачиваюсь на бок.

Боль в челюсти опалает с такой силой, что выбивает весь воздух из легких. Коул здесь, в Энтропии. Скорее всего, его послало руководство «Картакса». Они хотят затаскать меня в лабораторию или камеру, или попросту убить за то, что я стерла всем воспоминания. Я оглядываю комнату в поисках кобуры и замечаю ее на полу вместе с пистолетом, который поблескивает в свете ламп. Стены расплываются перед глазами, а голова начинает кружиться, когда я свешиваю ноги с кровати, чтобы добраться до оружия. Но как только я встаю на шатающиеся ноги, как дверь распаивается.

– Цзюнь Бэй.

Я застываю. В дверях стоит Коул. В складках вокруг его глаз осела пыль, а на коже видны пятна засохшей крови, но это он... во плоти. Все те же темные вьющиеся волосы и светло-голубые глаза, которые вспыхивают при виде меня. В горле тут же встает ком, а я вдруг вновь становлюсь перебинтованным и израненным ребенком, отчаянно нуждающимся в его утешающих объятиях. И на мгновение мы вновь оказываемся вдвоем против всего мира, чувствуем связь, рожденную болью, ранами и страстными обещаниями друг другу однажды обрести свободу.

Но затем мой взгляд опускается на черную броню и логотип «Картакса» на груди. Я смотрю на лей-линии, пересекающие его кожу, на оружие, прикрепленное к бедру. Это уже не тот Коул, с которым я выросла. А парень, смотревший в глаза Катарине, пока я безмолвно кричала в ответ. Парень, который шептал ей слова, которые когда-то говорил мне.

Он хотел причинить мне боль. Лгал мне. Он мой враг.

– Мне все еще не верится, что ты действительно здесь, – шепчет он.

Его дыхание сбивается, глаза широко раскрыты, а лицо ничего не скрывает. Так что я вижу тень печали и привязанности. И это заставляет меня задуматься о том, что же сейчас можно прочесть на моем лице, поэтому стараюсь нацепить маску полнейшего равнодушия. Мне не хочется выглядеть такой же уязвимой, как он сейчас.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я. – «Картакс» отправил тебя притащить меня любой ценой?

– Нет, – спокойно отвечает он, а затем достает из-под мышки сверток с лекарствами и кладет его на стойку у двери. – Я пришел, чтобы поговорить с тобой.

«Поговорить». Я еле сдерживаю фырканье. Не верю, что «Картакс» отправил сюда своего агента просто поговорить со мной. Они специализируются не на разговорах. Коул пришел сюда, чтобы шпионить за мной и другими генхакерами. Я бросаю быстрый взгляд на кобуру, но понимаю, что она лежит слишком далеко, и Коул остановит меня быстрее, чем я доберусь до нее. Так что, если он решит напасть на меня, я смогу защититься от него лишь с помощью кодов.

– Тебе не следовало приезжать сюда, – говорю я.

Челюсть болит все сильнее с каждым сказанным словом. Я закрываю глаза и медленно выдыхаю. Коул не должен был приезжать, тем более в броне и с оружием. «Картакс» чуть не уничтожил этот город несколько недель назад, так что если жители Энтропии увидят его здесь, то просто порвут на части. Мне тоже лучше держаться от него подальше. Никто не поверит мне, если увидит, как я разговариваю с одним из агентов «Картакса».

Хотя... возможно, все не так плохо.

Я скольжу взглядом по его телу и замираю на темных пятнах крови на его футболке. Может, Коул поможет мне в моей проблеме. Да, он солдат «Картакса», но при этом один из участников проекта «Заратустра», а значит, его ДНК лежит в основе «Панацеи». Я не смогла протестировать алгоритм на жене Матрицы, но не исключено, что мне удастся выяснить, чего не хватает в коде, если смогу протестировать его на Коуле. Его клетки помогут мне разобраться с теми участками «Панацеи», которые мне до сих пор не удалось разобрать.

Вот только не думаю, что он добровольно станет объектом для экспериментов.

– Ты ранена, – говорит он. А затем разворачивает сверток с лекарствами и достает серебристый флакон с исцеляющей сывороткой. – Я все тебе объясню... Только присядь. Тебе нужно отдохнуть.

– Я в порядке, – возражаю я, посылая импульс из манжеты к его панели.

Но он натывается на такую злобную систему защиты, которой мне еще не доводилось видеть. Возможно, мне и удастся ее взломать, но для этого придется подключиться к его панели напрямую, а это сложно сделать так, чтобы он ничего не понял. Для этого нужно либо использовать кабель подключения, либо прижать манжету к его панели, чтобы запустить маленький вирус.

Но не думаю, что Коул разрешит мне взломать его панель. Так что нужно, чтобы он расслабился и позволил приблизиться.

Я кивком указываю на пятна крови на его одежде.

– А ты? Ты не ранен?

– Это просто царапина. Но твоя щека, Цзюнь Бэй...

– Дай посмотреть, – говорю я и, пошатываясь, иду к нему.

Коул вздрагивает, когда я подхожу ближе и тянусь к нему, но не отступает. Его кожа покрыта пылью, а глаза сужены, когда я поднимаю край его черной, пропитанной кровью футболки и открываю семисантиметровую рану на животе.

Это поражает меня сильнее, чем я ожидала. Меня тут же захлестывает волна воспоминаний о сверкающих лабораторных столах, шрамах, швах и рваных ранах. Я уже столько раз видела, как Коулу причиняли боль, что следовало привыкнуть. И уж точно не стоит так на

это реагировать. Бурлящий океан внутри начинает штормить, разрушая мой самоконтроль. Я поднимаю глаза и тут же натываюсь на взгляд Коула, а затем замечаю, как он дрожит. Все, что я пыталась похоронить последние несколько недель, написано у него на лице. Боль и страдания нашего прошлого, оттеняемые отчаянием.

Я с трудом сглатываю и отвожу глаза, стараясь подавить свои чувства.

– Тебя ударили ножом. – Я беру его за руку и веду к кровати. – Давай я проверю твой исцеляющий модуль.

– С ним все в порядке.

– Позволь хотя бы в этом убедиться.

На его лице отражается недоверие, и он убирает руку.

– Давай лучше сосредоточимся на твоих ранах.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Не следует переть напролом. Чтобы взломать его панель, нужно действовать умнее.

Коул тянется к свертку на столике.

– Я принес...

– У меня все есть, – говорю я, проводя руками по джинсам.

Одежда вся в пыли и крови, но исцеляющие маски все еще лежат в кармане. Поморщившись, я вытаскиваю одну из них. А затем подношу руку к забинтованному и порванному месиву на щеке. Но от малейшего прикосновения пальцев лицо пронзает сильнейшая боль, от которой перехватывает дыхание. Только мне не привыкать. Я терпела боль и сильнее, пока пыталась изменить ДНК Катарини. Каждый день я впрыскиваю себе разъедающую смесь нани-тов, чтобы выжечь кожу, и каждый день она нарастает вновь – а упрямая ДНК Катарини наполняет заживающие участки.

Я подхожу к потертому зеркалу на стене и срываю повязку с щеки. Кожа покрыта синяками, глаза налиты кровью, а рана от укуса просто ужасает. Я расправляю повязку на ладони, снимаю прозрачную пленку и делаю глубокий вдох, чтобы собраться с духом.

Глаза Коула расширяются от ужаса, когда я поднимаю руку и прижимаю серебристую повязку к ране.

Боль обрушивается на меня словно лавина. Я ошиблась, к такому я не привыкла. Поврежденная кожа и оголенные нервы чувствительнее, чем обычно. Когда исцеляющий гель касается раны, меня простреливает такая мучительная боль, что дыхание выбивает из легких, а перед глазами вспыхивают ослепительно-белые пятна.

– Боже мой, Цзюнь Бэй! – Коул тут же бросается ко мне и подхватывает меня еще до того, как я понимаю, что падаю. – Почему ты всегда такая упрямая?

Его голос заглушают помехи, а перед глазами все то меркнет, то вспыхивает вновь, пока он усаживает меня на пол.

– Почему ты всегда этому удивляешься? – выдыхаю я, откидываясь на спинку кровати.

Гель впитывается в кожу, приклеивая повязку к ране, но несмотря на окутывающую меня боль, мысли достаточно ясны, так что я хватаю Коула за руку, словно нуждаюсь в его поддержке. Я не сдерживаю сотрясающую меня дрожь, а просто зажмуриваюсь и плотнее прижимаю черную металлическую манжету к его панели. И тут же код взлома его системы защиты приступает к работе.

Коул пристально смотрит на меня, но, кажется, не догадывается о коде, проникнувшем с манжеты на его панель, чтобы проверить, насколько сильна ее защита. Этот вирус не раз помогал мне прорваться в самые защищенные места.

Обезболивающее с повязки медленно расплзается по щеке ледяными колючками, даруя онемение. Коул начинает отстраняться, но я, выпрямившись, крепче сжимаю его руку.

– А что произошло с Матрицей? – спрашиваю я. – Женщиной, которую ты застрелил.

Он опускает глаза.

– К сожалению, ее не удалось спасти. Но ее жена выжила. Твоя подруга, Рейн, помогла мне пробраться в город и принести тебя сюда. Она обещала заглянуть чуть позже, а сама отправилась помогать раненым. В атриуме временно устроили лазарет.

– Лазарет? – нахмурившись, переспрашиваю я. – Сколько человек пострадало?

– Несколько десятков. Еще одна большая группа одичалых напала на южные тоннели.

По телу пробегает озноб. Несколько десятков раненых. Еще одно нападение. Все гораздо серьезнее, чем я думала. Код взлома уже почти закончил анализировать систему защиты панели Коула, но так и не нашел слабого места. А значит, я смогу провести все необходимые тесты, только подключив панель к генкиту. В лаборатории Регины как раз есть один подходящий, промышленного класса и с предустановленными алгоритмами. Думаю, мне удастся провести Коула туда через боковые коридоры...

Только, может, сейчас нужно думать не об этом?

На город напали, и следовало бы помочь раненым, но все мои мысли сейчас занимает только «Панацея». Этот код не отпускает меня. И я не знаю, как перестать думать об этом, перестать перебирать в уме кусочки головоломки. И теперь, когда появилась возможность, что изучение ДНК Коула поможет решить эту проблему, у меня вряд ли хватит сил сопротивляться своим порывам.

Перед глазами высвечивается сообщение, что коду так и не удалось взломать панель Коула, и я убираю руку с его плеча.

– Кто-нибудь видел, как ты нес меня сюда?

– Только Рейн, – говорит он. Мы поднялись на служебном лифте.

Я киваю и заставляю себя подняться на ноги. Боль в щеке притупилась, сменившись ноющей пульсацией. Коул встает вслед за мной и настороженно наблюдает, как я, подхватив с пола кобуру, распахиваю дверь, а затем проверяю, есть ли кто-то в коридоре. Мы на том же уровне, где находится лаборатория Регины. Я могу с легкостью провести туда Коула и уже там придумать, как взломать его панель.

Или могу спуститься по лестнице в атриум и проверить, нужна ли Рейн помощь с ранеными.

Я перевожу взгляд то в один, то в другой конец коридора, решая, как поступить. Верным решением было бы отправиться в атриум. Я пришла сюда, чтобы стать частью этого города и влиться в его жизнь, а сейчас там страдают его жители. И мне вполне по силам спасти несколько жизней. Да и Руз гордился бы мной. Но стоит ли тратить несколько часов на спасение полдюжины жизней, если за это время я смогу спасти миллионы?

Я натягиваю куртку и оглядываюсь на Коула.

– Я проведу тебя в лабораторию, где мы сможем спокойно поговорить. Тебе не стоит попадаться на глаза жителям города, если не хочешь пострадать. Все здесь искренне ненавидят «Картакс».

– Им стоит заботиться не обо мне, – говорит он, шагая за мной по коридору. – К городу приближается множество одичалых. Я видел их, когда ехал сюда.

– Мы разберемся с ними, – не останавливаясь, отмахиваюсь я, а затем посылаю импульс с манжеты, чтобы убедиться, что в лаборатории никого нет.

Но коридоры, как и комнаты по обе стороны, пусты. Видимо, все собрались в атриуме. Подойдя к заднему входу в лабораторию, я останавливаюсь у двери и осматриваю ее.

– Ты не понимаешь, – возражает Коул. – К городу приближаются одичалые. Я видел их по дороге сюда. И их не меньше сотни. Вам не справиться с ними самостоятельно.

Эти слова привлекают мое внимание.

– Подожди-ка... почему их так много?

– Именно поэтому я здесь, – объясняет он. – Та женщина в пещере не единственная, кто взбесился ни с того ни с сего. Это происходит повсюду, даже в бункерах. И в «Картаксе» не знают, как это остановить.

Озноб расползается по коже. Нужно как можно быстрее зайти в лабораторию, чтобы скрыться. Нужно как можно быстрее спрятать Коула. Но я не в силах пошевелиться, а в голове набатом громяют его слова.

«Это происходит повсюду».

Люди превращаются в одичалых. Звереют. Я поднимаю руку к серебристому гелю на щеке и обвожу контур отсутствующего куска кожи. Матрица выглядела вполне нормальной, может, слегка нервничающей, но через минуту просто взбесилась. Накинулась на меня и оторвала кусок от моего лица. При этом она не была ранена или заражена, а вокруг не было ни намека на запах дурманщиков. Но ее охватил неконтролируемый гнев.

– Что, черт возьми, происходит? – выдыхаю я.

Но как только этот вопрос повисает в воздухе, меня озаряет пониманием. Я уже видела подобное. Только в тот момент участником происходящего была Катарина, а я наблюдала за всем из симуляции лаборатории «Заратустра». В Саннивейле люди бросались друг на друга с желанием убивать, а на их панелях горели оранжевые светодиоды.

Всякий человек тогда выглядел как Матрица сегодня – они рычали и свирепствовали, потеряв голову от гнева. И монстрами они стали именно из-за моего кода.

Но если подобное происходит повсюду – в Энтропии и в бункерах «Картакса», – то это не какая-то атака, как произошло в Саннивейле. Это больше похоже на ошибку... сбой в коде, который я пытаюсь исправить последние несколько недель.

– О боже, – шепчу я. – Это моя вина.

Глава 6

Катарина

Черная пелена перед глазами превращается в серебряную, а затем меня ослепляет белый свет. Я тут же зажмуриваюсь и выдыхаю от пульсирующей боли в ране на животе. Ощувив под собой бетон, я перекатываюсь на бок, но тут же замираю, когда удается рассмотреть помещение сквозь выступившие слезы.

Я больше не в лаборатории проекта «Заратустра».

Здесь нет ни намека на окна от пола до потолка или толчки, сотрясающие стены. Нет детей с широко раскрытыми от страха глазами и груд запчастей от разобранных генкитов. Я сворачиваюсь калачиком на полу в полутемной лаборатории со стоящим у стены генкитом. Рядом возвышается стеллаж с пузырьками нанораствора, морозильная камера со стеклянной дверцей, забитая различными образцами, а в углу стоит заваленный бумагами стол. Вдоль противоположной стены выстроились три резервуара с пузырящимся раствором и плавающими в нем телами.

Я медленно сажусь. Плитка холодит руки, а кожу овеивает кондиционер. Это место выглядит и ощущается очень реалистично, как лаборатория проекта «Заратустра». Должно быть, я попала в другую виртуальную симуляцию. У генкита стоит человек в белоснежном лабораторном халате с ярко-рыжими волосами.

– Дакс?

Его зеленые глаза расширяются.

– Это действительно ты. – Он подходит ближе, с удивлением глядя на меня. – Ты жива, принцесса.

– Не смей так меня называть.

Поняв, что мне не удастся нашарить руками скальпель, который мне дала Цзюнь Бэй, я встаю на колени, а затем поднимаюсь на ноги. В последний раз я видела Дакса, когда он увозил Леобена и Мато из Энтропии. Тогда он встал на сторону «Картакса», несмотря на то, что они пытались убить всех живущих на поверхности.

– Где я, черт возьми, – злобно уставившись на него, спрашиваю я.

– Полегче, кальмар, – раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу развалившегося на операционном кресле Леобена, из руки которого торчит черный кабель.

– Ты, – рычу я. – Как ты мог мне солгать?

Раньше я была пленницей в симуляции Цзюнь Бэй, а теперь, похоже, застряла в одной из ловушек «Картакса». Так и знала, что не следовало ему доверять. Еще и рану получила, которая болит так, что перед глазами все плывет.

– Перестань драматизировать, – говорит он.

А затем выдергивает кабель из руки. Видимо, Леобен использовал его, чтобы пробраться в симуляцию лаборатории проекта «Заратустра». Но это невозможно. Я не могу быть здесь, в этой лаборатории... по-настоящему. Я заперта внутри черепа Цзюнь Бэй, так что это, скорее всего, еще один виртуальный мир, в который меня погрузили через имплант. Я перевожу взгляд на Дакса и прищуриваюсь. Он делает несколько шагов ко мне, отчего его белый лабораторный халат едва слышно шуршит, и мое внимание привлекает край металлической манжеты, выглядывающий из-под рукава. По телу тут же пробегают мурашки.

Волосы Дакса, его кожа и даже ворсинка на плече выглядят невероятно неряшливо, несовершенен и реалистично. Мне казалось, что дети в лаборатории выглядели как настоящие, но сейчас я понимаю, насколько ошибалась. Я оглядываюсь по сторонам, хотя перед глазами все продолжает расплываться.

– Ч-что происходит? – спрашиваю я. – Где я?

– Я понимаю, что это немного сбивает с толку, – говорит Дакс. – Прости, что пришлось так грубо выдергивать тебя сюда.

Леобен вскакивает с кресла, и я шарахаюсь назад, натываясь на черный лабораторный стол. Ноги подкашиваются, но мне удается ухватиться за стол и удержать равновесие. Правда, случайно задеваю ручку, лежащую на нем. Вот только она не двигается ни на сантиметр.

Я, нахмурившись, смотрю на нее. Что-то здесь не так. Я могла поднимать и перемещать любые предметы в симуляции лаборатории проекта «Заратустра». Я снова пытаюсь подвинуть ручку. Пальцы давят на колпачок, пока не начинают болеть, но она словно приклеенная.

– Так, это уже не смешно, – дрожащим голосом выдавливаю я. – Что все-таки здесь происходит?

– Ты находишься в симуляции под названием «Истина», – говорит Дакс. – Ее создали в «Картаксе» несколько десятилетий назад для того, чтобы люди могли посмотреть на внешний мир, не выходя за пределы безопасных бункеров. Она запущена на центральном сервере, а данные для нее обновляются с камер всех возможных дронов и видеоканалов, к которым у нас есть доступ. Я использовал удаленное соединение и связал с ней имплант в твоем черепе, чтобы ты тоже могла ее использовать.

Моргнув, я оглядываюсь по сторонам.

– Эта лаборатория... настоящая?

– Тебе она кажется настоящей, – объясняет Дакс. – Потому что ты видишь происходящее здесь в реальном времени, воссозданное с помощью симуляции «Истина». Мы с Леобеном физически находимся в этой лаборатории и видим твою трехмерную проекцию с помощью наших зрительных модулей. Это напоминает видеовывод, только... с эффектом присутствия.

Я перевожу взгляд на царапины на полу, чувствуя, как кружится голова.

Это настоящая комната, вот только меня на самом деле в ней нет. Все, что я вижу – это трехмерная проекция, посылаемая прямо через имплант мне в мозг. Но это не тщательно спроектированный и закодированный мир, как симуляция лаборатории проекта «Заратустра». Это реальность, переработанная и переписанная в виртуальную реальность, в которой я могу перемещаться.

– Ты... ты воссоздал мир в виртуальной реальности?

– Большую его часть, – поправляет Дакс. – Ведь для этого потребовалось огромное количество ресурсов. Некоторые места, как, например, этот бункер, постоянно обновляются с помощью камер и зрительных модулей людей, но есть такие места, о которых мы знаем только по снимкам со спутников. В «Картаксе» считали, что «Истина» станет развлечением для гражданских, но оказалось, что, посмотрев на мир за пределами бункера, они сильнее хотят туда сбежать. Так что этот проект закрыли сразу после вспышки, но в «Картаксе» надеются, что смогут вновь использовать его, когда вирус будет уничтожен.

Я осматриваю лабораторию.

– То есть я могу отправиться в любую точку мира?

Дакс кивает с улыбкой:

– Да, в любое место. Правда, если там нет камер или человека с панелью, подключенной к сети «Картакса», то данные об этом месте могут быть устаревшими, но ты все равно сможешь отправиться туда. К сожалению, это все, что я могу предложить тебе сейчас.

Я тянусь к одному из пузырьков с нанитами, стоящими на столе рядом со мной. Стекло гладкое и холодное, а грани острые и скользкие. Но как бы я ни старалась, мне не удается сдвинуть его. Потому что на самом деле меня здесь нет.

Я все вижу и слышу, но ни на что не могу повлиять. Я могу биться в двери и пытаться их выбить, пока не переломаю себе все кости, но никто меня не услышит. Могу ударить Дакса, но он ничего не почувствует. Я как призрак – могу перемещаться, и люди даже увидят меня, но ничего не могу сделать.

И все же это намного лучше, чем торчать в симуляции лаборатории «Заратустра».

– Зачем ты это сделал? – вновь повернувшись к Даксу, спрашиваю я. – Зачем вытащил меня из симуляции, в которой я застряла?

Леобен прислоняется к стойке рядом с Даксом и скрещивает руки на груди. Если между ними и возникла какая-то напряженность из-за того, что Дакс забрал Ли из Энтропии, то от нее не осталось и следа.

– У нас не осталось выбора, – говорит Леобен. – Еще чуть-чуть и ты бы поджарилась.

– Он прав, – подтверждает Дакс. – Имплант в твоем черепе не работает. Лаклан отсюда следил за его показаниями. И именно поэтому мы смогли добраться до тебя и вытащить оттуда. Он управлял симуляцией, в которой ты застряла. Я узнал, что ты жива, только пару дней назад, иначе вытащил бы тебя оттуда раньше. Мне жаль, что ты столько там проторчала.

– Подожди-ка... – останавливаю я. – Это Лаклан упрятал меня в симуляцию? Я думала, это сделала Цзюнь Бэй.

Дакс качает головой, а затем поворачивается к экрану и загружает изображение мозга. Его полушария окрашены в разные цвета – бурлящий красный с одной стороны и неоновозеленая паутина с другой. У меня перехватывает дыхание. Сеть нейронов – это я. Не тело, даже не весь мозг, а просто набор мыслей. Я знаю это уже несколько недель, но все еще не свыклась с этой мыслью.

– Судя по тому, что мне удалось знать, Лаклан взломал имплант, чтобы подавить активность твоей половины мозга, – говорит Дакс. На экране зеленое полушарие тускнеет, пока не остается еле заметное свечение. – Именно это видела Цзюнь Бэй. Из-за Лаклана она считала, что ты в отключке. Думаю, он надеялся, что она уничтожит тебя.

От этих слов голова идет кругом.

– Но она этого не сделала.

Я злилась на Цзюнь Бэй, считая, что она мне просто так извращенно мстит за то, что помешала ей стереть воспоминания людей. Но оказалось, что все это время она думала, что я просто сплю, как было с ней последние три года. И хотя она могла разрушить стену между нами и вернуть себе полный контроль над разумом, не сделала этого.

Наверное, Цзюнь Бэй надеется, что однажды я очнусь. И от этой мысли у меня все стягивает в груди.

– Не сделала, – подтверждает Дакс. – Она поддерживала твою жизнь, но из-за вашего разделения имплант и так работал из последних сил, а дополнительная нагрузка после запуска симуляции только все усугубила. Лаклан говорит, что он вскоре выйдет из строя. И, скорее всего, это случится в ближайшие дни. Так что он загрузил на него алгоритм, благодаря которому Цзюнь Бэй точно останется в живых, когда это случится...

– Но он не защитит меня, – заканчиваю я, а затем закрываю глаза.

Меня не удивляет, что Лаклан перенастроил имплант, чтобы удостовериться в безопасности Цзюнь Бэй, когда тот отрубится. Да и глупо ожидать от него что-то, кроме равнодушия. Хотя я не ожидала, что он попытается убить меня. Он видел, что мы с Цзюнь Бэй нашли общий язык и заботились друг о друге. А еще видел, как я прижала искрящийся электрический кабель к затылку и попыталась убить нас обеих.

– И ты вытащил меня сюда, чтобы... спасти меня? – спрашиваю я. – Но какой в этом смысл, если имплант разрушится через несколько дней?

– Нам нужна твоя помощь, – переглянувшись с Леобеном, объясняет Дакс. – Вакцина устойчива к вирусу, но из-за кода, запущенного вместе с ней, появились непредвиденные побочные эффекты.

– «Нулевой код», – говорю я.

Алгоритм, который написала Цзюнь Бэй, чтобы управлять человеческим разумом так же, как мы управляем нашей ДНК.

Дакс кивает:

– Мы знаем, что его создала Цзюнь Бэй, а Лаклан встроил в вакцину и разослал его всем. Но теперь он изменил свое мнение и считает, что в коде пропущен кусок. Так что он согласился удалить его.

Я хмурюсь. Это непохоже на Лаклана. Он рисковал всем, чтобы помочь Цзюнь Бэй распространить этот код. Позаботился, чтобы вакцина вышла и попала на каждую панель на земле. А потом утверждал, что теперь это ее мир, а ее код – единственное, что сможет нас спасти. Не представляю, что могло заставить его поменять свое мнение.

– Вычлени код Цзюнь Бэй из вакцины непросто, – продолжает Дакс. – Лаклан разработал вакцину так, чтобы она зависела от него. И сделал это специально, чтобы никто не смог удалить кусок кода. У него есть предположения, как это сделать, но для этого необходимо провести несколько тестов, используя то, что легло в его основу.

Я перевожу взгляд на Леобена:

– Ты говоришь о Ли?

– Не только обо мне, – потирая шею, поправляет Леобен. – О всех нас – участниках проекта «Заратустра». Лаклан создал вакцину на основании исследований, проведенных с каждым из нас, и утверждает, что сейчас нужно присутствие всех, чтобы ее закончить.

– Он хочет, чтобы все остальные добровольно пришли в лабораторию «Картакса» и согласились на участие в экспериментах?

– Ага, – подтверждает Леобен. – И вряд ли они будут в восторге. Мне тоже бы этого не хотелось, но мы так давно работаем над этой проблемой и так близки к завершению, что я готов еще немного побыть лабораторной крысой, если это поможет исправить вакцину.

Дакс слегка кривится:

– Ты не лабораторная крыса...

– Конечно нет, – прислоняясь спиной к стойке и скрещивая руки на груди, говорит Леобен. – Я осведомленный доброволец совершенно безболезненного и неопасного исследования Лаклана Агатты.

Дакс закрывает глаза.

– Ли...

Но тот продолжает:

– Все ужасно, кальмар. И я это знаю. Но думаю, это единственный выход.

– Но зачем вам нужна я?

Глаза Дакса стекленеют.

– Ты нам нужна, потому что пару дней назад тебе прислали это.

Перед моими глазами вспыхивает файл – текстовое сообщение на белом фоне.

Катарина,

ты меня не знаешь, но обстоятельства вынудили меня обратиться к тебе.

У меня есть план, как положить конец этому миру, и доказательства, что ничего из происходящего сейчас не случайно. Ни вакцина, ни голуби, ни одичалые. Всеми жителями на земле манипулируют, и, возможно, только мы с тобой единственные, кто может это остановить. Нам нужно поговорить с

тобой. Давай встретимся в твоей хижине на берегу озера. Приходи одна. Если за тобой будут следить или об этом узнают в «Картаксе», ты больше никогда не услышишь обо мне.

Зиана

Нахмурившись, я перечитываю записку. Зиана единственная из детей проекта «Заратустра», с кем я не встречалась, – лысая щуплая девочка, чья трехмерная пятилетняя проекция последние несколько недель уговаривала меня поиграть с ней в прятки. И если настоящая Зиана хоть немного похожа на ту малышку, то она к тому же милая, застенчивая и странная. Вот только мы с ней еще не встречались, и я не понимаю, почему она решила мне написать. Да и как она вообще узнала о моем существовании.

К тому же я не знаю, что она имеет в виду, говоря о плане «положить конец этому миру», и от этого по спине бегут мурашки.

– Этот файл отправили на твой канал связи с анонимного терминала, – говорит Дакс. – Мы перехватили его и считаем, что это не подделка. Из всех пятерых связаться с Зианой труднее всего, потому что у нее нет панели – а ее мутации не позволяют ей использовать большинство технологий гентеха. Она сбежала из «Картакса» во время вспышки и с тех пор объявлялась лишь несколько раз, а значит, эта записка – лучшая возможность найти ее. Так что мы хотим, чтобы ты отправилась туда и встретилась с ней.

– О чем она говорит? – спрашиваю я, а затем моргаю, пряча записку. – Ну, когда упоминает голубей и одичалых?

Дакс удивленно переглядывается с Леобеном.

– Судя по данным разведки, мы предполагаем, что Зиана присоединилась к группе выживших в Монтане. И они немного... странноватые. Они считают, что вспышка была вызвана сверхъестественными силами. У них даже есть несколько теорий о происхождении вируса и роли «Картакса» в мире.

– Да чудики они, – говорит Леобен. – Зиана всегда немного отличалась от нас, но, похоже, попав туда, вообще рехнулась.

– Так чего вы хотите от меня? Чтобы я солгала ей и заманила сюда?

– Да, – подтверждает Дакс. – Мы надеемся, что у тебя получится привести ее и Анну. Та отправилась в самоволку сразу после введения протокола «Всемирный потоп». Время от времени ее панель появляется в сети, но большую часть времени она скрывается. Я знаю, что у тебя есть сомнения на счет нашего плана, но это единственный возможный выход. В бункерах беспокойно, а среди жителей слышны разговоры о штурме выходов и возвращении на поверхность. Так что сейчас очень важно, чтобы мы могли доверять вакцине. Руководство «Картакса» назначило меня временным лидером после свержения Бринка, а значит, теперь я несу ответственность за три миллиарда жизней. И я сделаю все, чтобы их спасти.

Я потираю лицо руками.

– Вот только эта сделка не с тобой, Дакс. Это Лаклан сказал тебе, что ему не обойтись без остальных. А ведь это именно он все распланировал так, чтобы помочь Цзюнь Бэй, и я дала себе слово, что не позволю ему и дальше вмешиваться в жизни людей. Он больше не будет мной манипулировать.

– Он не манипулирует нами... – начинает Дакс.

– Конечно, он это делает, – перебиваю я. – Как ты можешь ему доверять? Я бы не позволила ему даже приблизиться к вакцине и уж тем более не стану собирать людей, над которыми Лаклан издевался многие годы, чтобы он мог сделать это вновь.

Леобен откидывает голову назад.

– Я же говорил, что она откажется. Она еще упрямее Анны.

Дакс сжимает челюсть.

– В обмен на твою помощь Лаклан даст тебе будущее.

– Будущее? – переспрашиваю я и обвожу комнату рукой. – Ты имеешь в виду «Истину» и все это? Что он может сделать? Укрепить имплант?

– Не совсем.

Дакс поворачивается к резервуарам у стены с пузырящимся составом. Я перевожу взгляд на них и застываю, когда темные длинные волосы расплываются в стороны и открывают лицо. Это девушка, ее глаза открыты и не мигают, а худое тело скрывает серебристый комбинезон. Сейчас мне прекрасно видно ее оливковую кожу, квадратную челюсть и левую руку, которая заканчивается обрубком чуть выше запястья.

Это тело создала Регина, чтобы использовать его как приманку. Тело так похожее на мое.

– С момента зарождения гентеха провели четырнадцать успешных операций по пересадке мозга, – скрестив руки на груди, говорит Дакс. – Во время одиннадцати из них использовали алгоритм, написанный Лакланом. До сих пор никто не пытался пересадить половину мозга, но мы считаем, что это возможно.

Я пытаюсь успокоить скачущие мысли и осознать, что он сказал.

Леобен подходит ко мне:

– Если ты поможешь нам с вакциной, кальмар, то Лаклан вновь даст тебе тело.

Глава 7

Цзюнь Бэй

Сжав руки в кулаки, чтобы остановить дрожь, я отворачиваюсь от Коула и толкаю дверь в лабораторию Регины. В помещении царит полумрак, пол завален мусором, а в воздухе витает легкий запах дыма. После нападения «Картакса» сюда почти никто не приходил, потому что никто не осмелился претендовать на это место. Птичьи клетки и растения, занимавшие все стены, исчезли, а резервуары с пузырящимся раствором, в котором когда-то плавали подрагивающие тела, опустели и высохли. Сквозь зияющую дыру в бетонной стене проникают косые солнечные лучи, а еще открывается вид на атриум бункера внизу. Я пробираюсь по комнате к лабораторному столу у дальней стены, старательно отводя глаза от пятен крови Регины на полу.

Каждый раз, стоит мне закрыть глаза, как тут же возникает лицо Матрицы, когда она оскалилась и бросилась на меня. Я слышу ее рычание, вижу, как блеснули ее зубы перед тем, как она вцепилась в меня. И это сотворил с ней мой код – моя сломанная и глюкащая «Панацея». Как Лаклан мог так сглупить и разослать код всем?

– Никто не винит тебя за это, Цзюнь Бэй, – следуя за мной, говорит Коул.

– Я должна была это заметить. – Я подхожу к пыльному столу и упираюсь в него руками. – Нужно закончить «Панацею». Это единственный способ все исправить.

– «Панацею»?

Я поворачиваюсь к Коулу:

– Те дополнительные строки, добавленные к вакцине – это мой код. Видимо, Лаклан не понял, что он не закончен, когда рассылал его всем. И если я допишу алгоритм, то смогу остановить все это.

Вот только бы еще понять, как это сделать. Я обхватываю себя руками и, пройдя через лабораторию, подхожу к дыре в бетонной стене. Внизу, в усыпанном пеплом атриуме, множество людей ухаживают за ранеными. Рейн ходит между рядами походных кроватей, но нигде не видно Руза. Возможно, он обследует тоннели в поисках одичалых или пытается выяснить, как они попали в пещеры. Я с легкостью могу представить, как он собирает отряды и хлопает людей по спине, пытаясь поднять им боевой дух. Они явно в этом нуждаются.

Если Коул не соврал, то сейчас к Энтропии направляются сотни людей. И я не знаю, как сказать всем, что эти нападения – моя вина. То небольшое доверие, которое я успела заслужить, тут же будет потеряно. Мне следовало подумать о том, как глюк может повлиять на людей. Следовало распознать эти признаки, когда Матрица изменилась прямо на моих глазах. Я же знаю, как выглядит человек, когда алгоритм захватывает его разум и подчиняет своей воле.

Как, черт возьми, я могла это упустить?

– Именно поэтому я и приехал сюда. Мы хотим остановить это, – объясняет Коул. – Меня отправили предложить тебе перемирие. «Картаксу» нужна твоя помощь, и они готовы предоставить тебе лабораторию для исследований, где ты сможешь поработать с Лакланом...

Я поворачиваюсь к нему:

– Ты предлагаешь мне вернуться в лабораторию «Картакса» и к Лаклану? Ты издеваешься, Коул?

– Тебе нужно оборудование. – Он скрещивает руки на груди и прислоняется спиной к стойке. От его тяжелого взгляда кожу неприятно покалывает. – А у «Картакса» есть и оно, и лаборатория.

Я отворачиваюсь от дыры в стене и принимаюсь расхаживать по комнате.

– А еще у них есть тюремные камеры. К тому же у меня здесь есть все, что мне нужно.

– Ты про эту лабораторию? – Коул обводит рукой кучи мусора на полу и разбитые пузырьки с нанитами на стойке. – У «Картакса» есть огромные объекты с ультрасовременным оборудованием, предназначенным для кодирования гентеха. К тому же ты отправишься туда не в качестве пленника, а как союзник. Пленник там Лаклан. Он сидит в камере, и «Картакс» контролирует каждый его шаг.

– Лаклана невозможно контролировать, – бормочу я. – И он не должен участвовать в работе. Ведь это именно он устроил весь этот бардак. Он не сможет исправить «Панацею».

– Наша цель не исправить «Панацею», а удалить ее из вакцины, – поправляет Коул. – Вот чего хочет «Картакс».

Я замираю на полушаге. Они хотят избавиться от «Панацеи» и оставить в панелях людей чистую, работающую вакцину. Это устранит глюк и люди перестанут превращаться в одичалых, но Лаклан разработал вакцину на основе моего кода. Так что разъединить их будет непросто. Для этого придется полностью перекодировать вакцину, что может занять несколько месяцев. А вот на исправление «Панацеи» потребуется всего несколько часов, если найти правильный объект для эксперимента. Но руководству «Картакса» плевать на это. Они не понимают, сколько проблем сможет решить «Панацея» и каким станет мир, если мы сможем использовать ее. Они не понимают, насколько я близка к ее завершению.

– Но зачем я понадобилась «Картаксу»? – спрашиваю я. – Вакцину разработал Лаклан. И он единственный, кто может ее перекодировать.

– Вот только он заявил, что не сможет сделать этого без тебя.

Нахмурившись, я поворачиваюсь к Коулу. Что-то здесь не так. Лаклан сам соединил вакцину с «Панацеей», так почему же он не может обратить все вспять? Кроме того, он утверждал, что сделал все это ради меня: вытащил код, объединил его с вакциной и даже создал Катарину. Так почему он считает, что я откажусь от своего детища и вновь доверюсь «Картаксу»?

Если только он не задумал что-то другое.

– Расскажи мне поподробнее об этой сделке, – прошу я.

Коул быстро подходит ко мне, несмотря на обломки, усеивающие пол.

– Тебя, как и любого кодировщика Энтропии, который, по твоему мнению, сможет помочь, приглашают поработать с лучшими учеными «Картакса». И вам предоставят для этого не какую-то лабораторию, а целый исследовательский центр. Это вам пообещал Крик.

– И Лаклан тоже будет там?

Коул кивает:

– Но, как я уже сказал, тебе не стоит его бояться. Пожалуйста, подумай об этом. Я бы не пришел сюда, если бы это не было так важно.

Задумавшись, я начинаю грызть ноготь на большом пальце. Не знаю, что за игру задумал Лаклан, но это меня беспокоит. Мне совершенно не хочется вновь оказаться под его контролем. Но, возможно, он хочет помочь мне исправить «Панацею» и, вполне возможно, знает, как это сделать. Возможно, он хочет, чтобы я воспользовалась приглашением Коула и вытащила его из лаборатории, где его удерживают.

И, возможно, это не такая уж и плохая идея.

– Сначала мне нужно обсудить это с остальными, – говорю я. – И подумать над вашим предложением.

– Спасибо.

Коул подходит к дыре в стене и смотрит на атриум. Огромные изогнутые бетонные стены усеяны пулевыми отверстиями, а большинство растений, которые когда-то оплетали стены, погибли. Цветущий, живой парк превратился в пустошь, укрытую пеплом и грязью. Коул наклоняется вперед и осматривается. Он повзрослел с тех пор, как мы виделись в последний

раз. Его лицо стало шире, а черты более угловатыми. В глубине души меня все еще терзает желание сжать его в объятиях. Но мы больше не принадлежим друг другу.

– Куда ты ушла? – вдруг спрашивает он. – Я знал, что ты планируешь бежать из лаборатории. Но считал, что ты вернешься за нами.

Я напрягаюсь, потому что совершенно не ожидала это от него услышать.

– Так и планировалось, – говорю я. – Но не помню, почему этого не случилось. Последние воспоминания, которые мне удастся воскресить, – побег из лаборатории. И тогда я точно собиралась вернуться.

– Так что же случилось? – спрашивает он. – Все эти годы я не только ждал тебя, но и искал где только можно.

Сглотнув, я всматриваюсь в его лицо. Он явно не помнит Катарину... по крайней мере, после стирания воспоминаний. И не знает, что все эти годы я провела взаперти в ее теле, которое, по сути, было моим. Вот почему я так долго не давала о себе знать. Только это не объясняет, почему полгода перед этим я прожила в Энтропии, где кодировала с Мато, и даже не собиралась возвращаться за ними.

Я всегда утверждала, что вернусь, чтобы вытащить остальных. И знаю, что действительно хотела это сделать. Но вместо этого жила посреди пустыни в красивом доме, кодируя дни и ночи напролет, пока Лаклан продолжал ставить свои опыты на Коуле и остальных. Я могла бы взломать лабораторию и вытащить их оттуда. Уверена, Регина предоставила бы мне машину и, может быть, даже целую команду, чтобы сделать это. Но, судя по всему, я даже не пыталась.

И я не помню почему.

– Прости, – шепчу я. И это самые искренние слова, которые я сказала Коулу с того момента, как очнулась. – Я все еще пытаюсь во многом разобраться и в этом в том числе. Из моих воспоминаний пропали несколько лет жизни, и теперь я пытаюсь собрать их из обрывков.

Он скрещивает руки на груди.

– Так вот почему ты решила стереть воспоминания всем?

Замерев, я смотрю на него, пока обвинения звенят у меня в ушах. А он в ответ смотрит на меня с незнакомым мне выражением на лице. У Коула всегда прекрасно получалось читать мои мысли лучше, чем у кого-то другого. Он чувствовал мое разочарование, гнев, боль и всегда старался утешить меня. Но сейчас он смотрит на меня по-другому. От его пронзительного и холодного взгляда по коже расползаются мурашки. Коул уже не тот парень, которого я оставила в лаборатории. Он стал солдатом «Картакса», обученным шпионить и допрашивать. И прямо сейчас, пронзая меня взглядом словно рентгеном, он уже откуда-то знает всю правду.

Я медленно втягиваю воздух.

– Да, это я стерла всем воспоминания. Но ты продолжай... скажи, что вы с Анной оказались правы, когда планировали лишить меня панели. Я знала, что делаю, и знала, чем рискую. Как и то, что ты возненавидишь меня за это.

Он опускает руки.

– Во мне нет ни капли ненависти к тебе. Да, меня раздражает то, что ты стерла воспоминания всем людям, но при этом я понимаю, почему ты пыталась это сделать. Вспышка сломила нас. И сомневаюсь, что люди когда-нибудь смогут пережить ее последствия, если продолжат жить с болью, полученной за последние два года.

Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь отыскать хоть намек на ложь, но ничего не нахожу.

– Я уже мало что помню из нашего детства, – признается он. – Да и не хочу ничего вспоминать. Мне кажется, что боль, которую носишь в себе, не принесет ничего хорошего. Воспоминания могут быть дороже золота, а могут стать обузой. Незаживающей раной. И если бы я узнал, что ты планируешь это сделать, не уверен, что стал бы тебя останавливать.

Я открываю рот, но не знаю, что на это сказать. Я уже несколько недель скрываю от всех правду о стирании воспоминаний. Та ночь постоянно преследует меня, оставляя после

себя темную, зияющую дыру, которую не смог заполнить переполняющий меня стыд. Так что, услышав, что Коул меня понимает, я почувствовала, как внутри затеплился свет. И теплоту там, где, как я думала, всегда будет царить холод.

От облегчения я приваливаю к стене, а на глаза наворачиваются слезы.

– Значит, ты не считаешь меня чудовищем?

– Мы чудовища, Цзюнь Бэй, – даже не дрогнув, отвечает Коул. – Вот во что они нас превратили. Но это не означает, что мы не можем сделать что-то доброе для этого мира.

«Мы чудовища». Мне бы стоило обидеться на эти слова, но вместо этого они проникают мне в душу, как правда, которую я искала годами.

– Пойдем со мной, – понизив голос, просит он, а затем подходит ближе.

Я опускаю глаза.

– Не притворяйся, что между нами ничего не изменилось.

– Это не так, – говорит он, внезапно оказавшись прямо передо мной. На его коже виднеются пятна моей крови, а светло-голубые глаза смотрят прямо в мои. – Я не люблю тебя так, как раньше, Цзюнь Бэй. Не знаю, то ли дело в прошедших годах или в чем-то другом, чего я не помню. Но я уже не тот парень, что позволял издеваться над собой, ожидая тебя. Вот только ты все еще занимаешь часть моего сердца. И так будет всегда.

Слова повисают между нами в воздухе, который с каждой секундой все сильнее давит на меня, и с этим все труднее и труднее бороться. Я знаю, почему чувства Коула изменились, и дело не в годах разлуки, а в девушке, запертой в моем разуме. В Катарине. Именно ее он любит. Именно она украла его сердце. Я не могу выбросить из головы, как они обнимались и целовались, не хочу вспоминать об этом сейчас. Как не хочу чувствовать притяжение к Коулу.

Но мне так больно, так одиноко, что я не выдерживаю, сокращаю расстояние между нами и оказываюсь в его таких родных объятиях.

Его рука скользит по моему плечу, а моя – по его груди. Громкие голоса доносятся до нас из атриума сквозь дыру в стене, но я едва различаю их сквозь пульсации крови в ушах и внутреннего голоса, который кричит мне, что это неправильно, хоть и кажется совершенно иначе. Я бесчисленное количество раз оказывалась в его объятиях, но тогда мы были детьми. А теперь он стал старше, сильнее, шире в плечах и с такой жаждой в глазах, которая отзывается во мне и высвобождает какую-то часть меня, хотя я даже не знала, что держу ее в клетке.

Он опускает голову, но затем останавливается и склоняет ее в бок.

– Ты это слышишь?

– Нет, – отвечаю я, продолжая скользить руками вверх по его груди.

– Что-то не так.

Он отстраняется, отчего меня тут же охватывает разочарование. Мы остались наедине и уже достаточно взрослые, чтобы впервые в жизни разжечь искру между нами до настоящего пожара, а он беспокоится о каких-то криках.

– Люди здесь всегда шумят, – говорю я. – Так что это привычное дело...

Я замолкаю, услышав, как гул голосов поменял тональность. Он превращается в рев и эхом разносится по лаборатории. Люди в парке больше не шумят.

Сейчас они кричат.

Глава 8

Катарина

Я смотрю на тело, плавающее в резервуаре. Девушка в нем очень похожа на меня. Ее волосы колышутся вокруг лица темными лентами, мышцы расслаблены, а на теле знакомые шрамы, при виде которых невольно покалывает кожу. Порез на щеке от падения с дерева. Сморщенное пулевое ранение на плече, оставшееся после выстрела Дакса в Саннивейле. Она идеальная моя копия вплоть до спирали ДНК.

Лаклан с Даксом предлагают мне не просто свободу, а целое будущее. Жизнь. И эта мысль все еще не укладывается в голове.

Я словно загипнотизированная подхожу к резервуару, представляя, каково будет проснуться внутри этого клона и снова дышать, разговаривать и по-настоящему вдохнуть воздуха. Я несколько недель свыкалась с мыслью, что стала заключенной, запертой внутри Цзюнь Бэй, и что мне уже не доведется вновь ступить на землю своими ногами. Я похоронила мечту вновь ощутить на коже солнечные лучи и когда-нибудь прикоснуться к реальному человеку. А теперь у меня вновь есть эта надежда, которая сейчас плавает передо мной. Надежда, дарованная мне врагом.

– Боже, какой же он хитрец, – повернувшись к Даксу, выдыхаю я. – Лаклан знает, как заставить других людей плясать под его дудку, да?

Я никогда даже не мечтала о чем-то подобном. Это просто нечто невероятное. И этого достаточно, чтобы зацепить меня, превратить слабую свечу надежды, горящую внутри, в пылающий костер. Это единственное, ради чего я готова на все.

«Почти».

Потому что я не продам весь мир за это. В последний раз, когда я пошла на поводу у Лаклана, то невольно помогла отправить вредоносный код на панели всех жителей планеты. И сейчас он предлагает мне это тело только потому, что хочет сохранить жизнь Цзюнь Бэй. Ведь все, что он делал до этого – изменение нашего тела, создание меня, – было лишь ради нее. Он сотворил все это, чтобы защитить ее и помочь ей распространить созданный ею код по всему миру. А теперь Лаклан думает, что я поверю, будто он хочет удалить этот код со всех панелей на планете. Хотя на самом деле, это окажется частью какого-нибудь заговора Лаклана, придуманного, чтобы помочь ей захватить мир.

– Давай дадим ей время подумать об этом, – подходя ко мне, предлагает Леобен.

Я все так же не сжожу взгляда с плавающего тела, продолжая рассматривать ее лицо и кожу, представлять себя внутри нее.

– О чем тут думать? – поморщившись, спрашивает Дакс.

– Ты просишь меня солгать людям, которые мне дороги, – говорю я. – А что, если Зиана права? Что, если все происходящее лишь часть огромного плана? Мы не можем доверять Лаклану – это станет нашей самой большой ошибкой.

– Нет никаких доказательств, что он нам врет, – возражает Дакс. – Поверь мне, мы все просчитали. В побочных эффектах, с которыми мы столкнулись, нет никакой закономерности, и нам сложно предположить, кому все случившееся принесло бы выгоду. Да, кто-то воссоздал голубей, зараженных мутировавшим штаммом вируса, но в их геноме исследователи нашли следы человеческой ДНК, и мы посчитали, что они заразились именно из-за этого. Я не верю, что кто-то пытается развязать войну. Если за этим стоит кто-то из генхакеров, то они вскоре и сами пострадают от этого. А если кто-то из «Картакса», то я бы об этом знал. Мне предоставили

полный доступ ко всем командам, отправленным через нашу сеть, и мы не нашли даже намека на хорошо продуманный план. Единственное, что нам удалось узнать из записки Зианы, – она жива и ищет тебя. Поэтому мы просим тебя привести ее сюда.

– Почему бы тебе не отправить за ней Ли? Мы с Зианой не знакомы. И даже никогда не встречались. А он ее семья.

– А еще он солдат «Картакса», – поправляет Дакс. – И, вполне возможно, Зиана знает об этом. Я не хочу рисковать и отправлять Ли на встречу, потому что не уверен, что она ему поверит и вообще появится там. Она может догадаться, что это ловушка.

– А с чего ты решил, что она поверит мне?

– Но ведь именно тебе она написала, – говорит Дакс. – Так что Зиана ничего не заподозрит, если ты ответишь ей.

Я нервно переминаюсь с ноги на ногу.

– Я не готова ответить вам прямо сейчас. Мне... мне нужно выбраться отсюда.

Дакс указывает на дверь.

– Что ж, иди. Ты в симуляции, в которой воссоздан целый мир. Так неужели ты думаешь, что какая-то дверь станет для тебя препятствием?

Покосившись на Леобена, я осторожно подхожу к двери. Ручка холодит кожу, когда я обхватываю ее рукой, но не поддается мне. Осознав это, я закрываю глаза и неосознанно посылаю импульс из манжеты. На самом деле это вряд ли сработает, ведь меня на самом деле тут нет, как и манжеты, которая могла бы послать импульс, но неожиданно перед глазами вспыхивают яркие точки беспроводных соединений. Я вижу мерцающие вспышки за стеной от гентехов в соседних комнатах и от панелей людей, идущих по коридорам. Судя по всему, в «Истине» даже закодирована имитация использования модулей. Поэтому, когда я запускаю импульс с манжеты, симуляция запрашивает с серверов ближайшие открытые соединения, используемые при ее моделировании.

И это означает, что я не беспомощна. Что я могу использовать коды.

Я открываю список доступных соединений и прокручиваю его. Вот только он отображается немного непривычно. Перед моими глазами перечень мест, куда я могу переместиться – комнаты, коридоры, лестничные клетки. Я выбираю коридор прямо за дверью, но не всплывает никакой команды, которая бы перенесла меня туда.

Правда, может, все гораздо проще. Чтобы отправить импульс из манжеты, хватило одной мысли об этом. Да и чтобы пройти через комнату, потребовалось лишь подумать об этом. Значит, симуляция считывает мои мысли. Я закрываю глаза, представляю себе коридор и оказываюсь прямо за дверью.

Внезапно пол уходит из-под ног, и что-то сжимается внутри, заставляя открыть глаза. Дакс и лаборатория исчезли. Сейчас я вижу лишь спины троих человек, которые катят металлическую тележку по коридору, о чем-то болтая друг с другом. Бетонные стены и пол отражают эхо голосов, а слева и справа расположены открытые двери. Меня ничего не ограничивает. И никто не может остановить меня.

Дакс прав. Это полная свобода.

Еле сдерживая смех от облегчения, я делаю неуверенный шаг. После нескольких недель, проведенных в заточении в симуляции Цзюнь Бэй, кажется, будто сейчас за спиной раскроются крылья.

За спиной раздаются шаги, а затем хлопок двери. Я поворачиваюсь и вижу перед собой Леобена.

– Ты не можешь сбежать, – говорит он. – Меня назначили твоей нянькой.

Я приподнимаю бровь.

– Я все еще немного злюсь из-за того, что ты напал на меня в симуляции Цзюнь Бэй.

– Вообще-то ты ударила меня первой.

Я прикусываю губу.

– Почему ты просто не сказал, что тебя послал Дакс?

– Потому что ты упрямая штучка, которая бы предпочла скорее подохнуть в лаборатории, чем позволить мне вытащить тебя оттуда?

Я открываю рот, чтобы возразить, но в итоге лишь качаю головой. Я не собираюсь спорить с Леобенем. Он мне не враг.

– Не уверена, что хочу заманивать Зиану в ловушку, – признаюсь я. – Или Анну. Я понимаю, что они больше не моя семья, но не хочу предавать их.

– Не переживай из-за Анны, – говорит он. – Она в любом случае возненавидит тебя.

Ли отступает к стене, чтобы пропустить женщину с еще одной тележкой. На ней голубая рубашка, которые я уже видела на жителях «Хоумстэйка». Проходя мимо, она косится на нас, и я напрягаюсь, осознав, что женщина видит меня. Видимо, «Истина» настроена так, что зрительные модули встречных людей отображают мою трехмерную проекцию. Не знаю, увидят ли меня те, чьи панели не подключены к сети «Картакса», но это лишь усиливает чувство, что я действительно нахожусь здесь.

– Ты бы согласился? – интересуюсь я. – Солгал бы им, чтобы привести сюда и вновь сделать подопытными Лаклана?

Леобен с рассеянным видом потирает шею, слегка задевая пальцами шрамы в верхней части груди.

– Мы всегда были его подопытными. Нас создали для этого. Может, остальных это разозлит, но меня больше заботит текущее положение вещей. Сейчас необходимо исправить вакцину и начать восстанавливать мир, иначе ни у кого из нас не будет будущего.

– Так ты готов предать... чтобы спасти их?

Леобен морщит нос.

– Когда ты так говоришь, это напоминает мне поступки Лаклана.

– Да, – бормочу я. – Именно это меня и пугает.

Я отступаю в сторону, когда мимо нас проходит еще один мужчина с тележкой. На ней стоят коробки с пустыми металлическими цилиндрами наподобие тех, что я использовала, когда делала пули в хижине.

– Подожди-ка, – говорю я, разглядывая футболку и повседневную одежду мужчины. – Это же обычный житель! Почему они находятся на уровнях с лабораториями? И почему они собирают пули?

– Здесь все не так уж радужно, – признается Леобен. – Пойдем покажу.

Я следую за ним по коридору к большому, открытому пространству, где когда-то, судя по всему, располагался кафетерий. Сейчас здесь стоят столы и стулья, на которых сидят обычные жители в синей одежде «Картакса». А на огромных экранах, висящих на стенах, светится логотип со скрещенными рогами. Люди сидят за столами, заваленными металлическими заготовками и частями снаряжения, и вполголоса разговаривают друг с другом. А меня пробирает озноб от одного взгляда на них. Эти люди делают оружие.

И, судя по всему, они уже собрали множество пистолетов и патронов. А один из столов и вовсе завален деталями от гранат. Но ведь это обычные жители бункеров, а не солдаты «Картакса». Это люди, которые два последних года прожили в безопасности. Они должны находиться на жилых уровнях с кафе, тренажерными залами и парками для прогулок. Но вместо этого они собирают арсенал, как настоящие военные.

– Ничего себе, – выдыхаю я, наблюдая за ними.

– Да, вот так обстоят дела, – говорит Леобен. – Трудно успокоить три миллиарда людей после того, как они обнаружили, что их воспоминания стерлись.

– Подожди... так они сами решили это сделать? Не по приказу «Картакса»?

– Они не просто решили сами, а настояли, чтобы «Картакс» начал собирать оружие, – поправляет он. – И организовал военную подготовку. Так что Даксу и остальным лидерам пришлось им уступить. Жители бункеров хотят напасть на генхакеров, живущих на поверхности. Они хотят безопасной жизни. По крайней мере, именно так они говорят. Но, думаю, люди просто хотят выместить на ком-то свою злость.

Я перевожу взгляд на людей, с трудом веря в то, что вижу перед собой. Мы так старались остановить протокол «Всемирного потопа» и при этом показать всем людям, насколько ужасны атаки «Картакса». Но это не помогло.

Внезапно женщина за одним из столиков встает и начинает дергаться. Она хватается за грудь, а с ее губ слетает сдавленный крик. Люди тут же отступают в стороны, расталкивая друг друга и желая оказаться как можно дальше.

– Вот дерьмо, – выпаливает Леобен. – Пойдем отсюда. Сейчас сюда набегут охранники.

– Что случилось? – спрашиваю я, не сводя глаз с женщины.

Она сгибается пополам, пытаясь вдохнуть, но никто не спешит ей на помощь. Похоже, она сейчас задохнется.

– Давай же, пойдем, – зовет Ли. – Не хочу попасть под раздачу.

От этих слов мой пульс учащается. Люди разбегаются от женщины в разные стороны. Подобное поведение было бы вполне обоснованно, будь она заражена, но у нее нет никаких признаков вируса. Ни синяков, ни лихорадки. Но ей явно плохо. Ее голова запрокидывается, а глаза закатываются.

Озноб вновь охватывает меня, когда женщина начинает биться в конвульсиях. Черты ее лица становятся острее, словно она сейчас зарычит. Черт, да что же с ней происходит? Вдруг с другой стороны помещения распахиваются двери, и сквозь них вбегают охранники в броне. Женщина поворачивается к ним, и ее тело напрягается. А как только они подходят ближе, яростно рычит.

– Боже мой, – пятась назад, выдыхаю я.

Она превратилась в одичалую. Охранники достают из-за пояса электрошокеры и стреляют ей в грудь, после чего она падает на пол. Женщина корчится и сдавленно кричит, пока охранники надевают металлические кандалы на лодыжки и наручники на запястья, а затем поднимают и вытаскивают из комнаты, не заботясь о том, чтобы закрыть за собой двери.

Оставшиеся в комнате люди с ужасом в глазах жмутся друг к другу. Некоторые плачут, а некоторые все еще проталкиваются к выходу, желая убраться подальше. Но самое интересное, что они начали двигаться, как только женщина встала на ноги. А значит, они знали, что делать, и подобное уже случалось раньше.

– Мы не должны так жить! – кричит один из мужчин, прижимая к себе плачущую девочку-подростка.

По толпе проносится согласный ропот.

– Что сейчас произошло? – шепотом спрашиваю я у Леобена. – Эта женщина только что превратилась в одичалую?

Он кивает, сжимая челюсти.

– Да, именно это и произошло. А мы не знаем, как это остановить. Подобное часто случается. Каждый день, в каждом бункере. Мы теряем тысячи людей по всему миру. Код Цзюнь Бэй сбоят... и вызывает это. Вот почему Лаклан пытается исправить вакцину.

У меня по коже расползаются мурашки. Мужчина, обнимавший плачущую девочку, выпускает ее из объятий, залезает на стул и оглядывает толпу.

– Неужели мы позволим им запереть нас здесь и продолжать нас уничтожать?

– Нет! – ревет в ответ разгневанная толпа.

– Мы должны вернуть свои дома! – кричит какая-то женщина. – Надо было позволить Бринку прикончить их, когда была такая возможность!

Воздух вновь сотрясает одобрителный рев. Обхватив себя руками, я отступаю на шаг назад. По какой-то причине дела обстоят хуже, чем до введения протокола «Всемирного потопа». Людей захлестнула злость и боль, и теперь они стремятся выплеснуть ее хоть на кого-то. Я думала, что если мирные жители узнают правду о «Картаксе», то они пойдут против него... увидят, что именно из-за насилия и тотального контроля мир оставался разделенным. Но я не осознавала, как сильно они напуганы. Насколько беспомощными они себя ощущали, запертые последние несколько лет под землей без возможности выхода на поверхность. Я считала, что Бринк самая большая угроза для живущих на поверхности. Но как же я ошибалась. Бункеры оказались скороварками, которые вот-вот закипят.

И сейчас эти люди хотят развязать войну, а я даже не представляю, как их остановить.

– Пойдем, – настаивает Леобен. – Я уже сыт этим по горло.

Я киваю и отступаю назад. Леобен толкает дверь и выходит в коридор.

– Как я уже сказал, здесь все не так радужно.

– Мне казалось, что ты считал так же, – говорю я. – Когда мы встретились впервые, ты утверждал, что все заперты в бункерах только из-за генхакеров.

– Да. – Он потирает шею. – Но и убийство их всех ничего не решит.

– Должен быть способ людям жить вместе... – начинаю я и замолкаю, когда коридор на мгновение сменяется картинкой перед глазами Цзюнь Бэй.

Это длится всего секунду, но все же выбивает меня из колеи. Я прижимаю руку к стене, пытаюсь удержаться на ногах, и втягиваю воздух, пока серебристые звездочки кружатся у меня перед глазами. Цзюнь Бэй снова ранена, но не так сильно, как в прошлые разы, когда у меня появлялись подобные видения. Но основание черепа пульсирует от обжигающей колющей боли.

Видимо, имплант слабеет. А стена между нашими с Цзюнь Бэй разумами начинает разрушаться.

– Ты в порядке? – спрашивает Леобен. – Ты исчезла на секунду.

Я киваю и сглатываю, все еще пытаюсь осознать увиденное. На мгновение я оказалась у дыры в бетонной стене, сквозь которую виднелся парк в атриуме бункера Энтропии. Округлые бетонные стены простирались на сотни этажей вверх, но в их вышине виднелось не небо, а запертые взрывозащитные створки. В парке собралось множество людей, которые обсуждали что-то вокруг деревянных столов, готовили суп или раздавали одеяла. Похоже, там пострадало множество людей. А еще рядом находился Коул, но я смотрела не на него, а вниз, на парк и женщину, издающую душераздирающий крик.

От него по коже расползаются мурашки. И хотя я вновь в коридоре с Леобеном, вдали от Энтропии, но ее крик все еще отдается в ушах. Я видела, как на нее набросился мужчина, губы которого искривились в оскале. Он рвался вперед, щелкая зубами и впиваясь пальцами в ее лицо от охватившего его гнева.

Я смотрю на Леобена. Это не просто дежавю. Сцена в Энтропии один в один напоминала ту, что развернулась здесь, в «Картаксе», еще несколько минут назад. Кто-то превратился в одичалого посреди толпы на открытом, оживленном пространстве. Генхакеры кричали, разбежались в стороны и пытались найти укрытие так же, как это делали мирные жители бункера.

Леобен сказал, что код Цзюнь Бэй сбоят, но у меня почему-то появились сомнения на счет этого. Я уже видела нечто подобное раньше в Саннивейле, когда Лаклан воздействовал на людей через вакцину. Я три года верила в ложь, позволяла собой манипулировать и обращаться словно с пешкой на шахматном поле, пока кто-то разыгрывал более сложную для моего понимания партию.

Но теперь мои глаза открыты, а две разбегающихся в стороны толпы, только что увиденные мной, внезапно кажутся такими же пешками в более серьезном и более ужасающем заго-

воре. Думаю, что Зиана была права – ничто из происходящего не случайно. И эти две атаки в том числе.

Думаю, что-то управляет событиями. И провоцирует эти атаки, чтобы создать напряженность и развязать войну.

Вот только мы еще не вышли из игры.

Глава 9

Цзюнь Бэй

Крики в атриуме становятся громче. Я отступаю от Коула и шагаю через лабораторию к зияющей дыре в бетонной стене. Оттуда прекрасно видно переполненный людьми парк. Я высовываю голову и смотрю вниз. Люди, кто хромя, а кто ползая, стараются убраться оттуда подальше, прячутся между рядами коек. Их одежда в крови, но трудно понять, она появилась от свежих или старых ран, полученных от одичалых в пещерах. Кажется, люди убегают от человека со светлыми волосами, собранными в конский хвост, и зеленоватым оттенком кожи. Это Хлорофилл. Один из работников гидропонных теплиц. Я как-то общалась с ним. Он показался мне дружелюбным и немного застенчивым, а теперь его лицо искажает оскал.

– О нет, – шепчу я.

Коул подбегает ко мне, а его глаза становятся черными. В атриуме у ног Хлорофилла лежит окровавленная женщина. Она борется с ним, пытаюсь вырваться из его хватки, но юноша крепко удерживает ее за волосы. В его второй руке, до локтя залитой кровью, блестит нож. Мой желудок сжимается, когда он подтаскивает женщину ближе и вонзает лезвие ей в бок.

– Нет, нет, – прижимая руку ко рту и пятясь назад, выдыхаю я.

Раненая женщина все еще пытается вырваться, несмотря на торчащий из ее ребер нож. Юноша прокручивает лезвие, вырывая из ее горла еще один пронзительный крик. Бедняжку убивают прямо у меня на глазах, и именно мой код за считанные секунды превратил Хлорофилла в монстра. Но у меня еще есть шанс спасти женщину.

– Мне надо идти.

Я поворачиваюсь и бегу к двери.

– Подожди, Цзюнь Бэй! – кричит мне вслед Коул, но я не останавливаюсь.

Врезавшись плечом в стальную дверь лаборатории, я распахиваю ее и выбираюсь на лестничную площадку. После нападения «Картакса» в бетоне виднеются дыры от пуль, а ступени усеивают гильзы. Я хватаюсь за металлические перила и сбегую вниз, стараясь при этом не упасть. Запнувшись, я пролетаю несколько ступеней, но все же умудряюсь восстановить равновесие. Мышцы дрожат от усталости, но у меня еще достаточно сил, чтобы бежать. Мне необходимо добраться до этой женщины прежде, чем она умрет.

– Цзюнь Бэй, подожди! – позади раздается грохот шагов Коула.

– Останься в лаборатории! – сквозь сбившееся дыхание выдавливаю я.

Я несусь по лестнице, чтобы как можно быстрее оказаться на нижней площадке, от которой тянется тропинка в парк. Быстро пролистав файлы в манжете, я нахожу алгоритм генетического сканирования, чтобы как можно быстрее запустить его, когда приближусь к женщине. Судя по ее травмам, у меня есть всего несколько минут, пока она не истечет кровью. Спасение Клары не дало мне протестировать «Панацею», но сейчас у меня появилась еще одна возможность это сделать, и я не могу ее упустить.

Спрыгнув с последней ступени, я несусь к парку под звуки хрустящего под ногами гравия.

– У тебя даже нет оружия! – кричит Коул.

А у него есть хотя бы винтовка, которая бы бега хлопает по его бедру.

– Не вмешивайся! – отвечаю я.

Атриум сотрясают крики паникующей толпы. Меня в плечо толкает женщина, поддерживающая под руку хромящего мужчину. Я приостанавливаюсь, чтобы отыскать раненую женщину или одичавшего юношу с ножом, но никого не вижу.

– Цзюнь Бэй! – вновь громко окликает Коул наполненным яростью голосом.

Ему не следовало идти за мной без оружия и в одежде «Картакса». Но у меня нет времени спорить с ним. Раненая женщина недолго протянет. Возможно, всего несколько секунд. Я обвожу взглядом парк и, наткнувшись на Хлорофилла, прикрываю лицо, чтобы уберечь пострадавшую щеку, а затем бросаюсь в толпу.

Но пробраться вперед оказывается так же сложно, как противостоять буре. Люди слишком напуганы, они не уходят с дороги, и все мои попытки увернуться оказываются бесполезными. Меня со всех сторон пихают руками, локтями и плечами, а от удара по повязке на щеке меня пронзает такая боль, что перехватывает дыхание.

– Слева, – доносится до меня окрик Коула.

Я послушно поворачиваю в указанную сторону, стараясь пробраться сквозь толпу к блондину. Но до него еще метров шесть. Раненая женщина пока жива и даже борется с ним, но между нами слишком много людей, и мне вряд ли удастся добраться до нее вовремя. Оглянувшись на Коула, я достаю пистолет из кобуры. А затем поднимаю ствол вверх и стреляю в воздух. Люди тут же падают на землю, стараясь укрыться от пуль. Теперь у меня есть возможность, переступая через них, добраться до истекающей кровью женщины. Я ускоряю шаг, чувствуя, как горят легкие, а перед глазами все расплывается. Но не успеваю я преодолеть и половины пути, как Хлорофилл выдергивает нож из тела женщины и заносит руку для следующего удара.

Время замедляется. Нож плавно приближается к ее груди, а свет, кажется, еще ярче выделяет густую алую кровь, капающую с рубашки женщины. Следующая рана станет для нее смертельной. Но я не позволю этому одичавшему юноше убить ее на моих глазах. Времени на раздумья не остается. И мне на ум приходит только один способ ее спасти.

Я впииваюсь взглядом в Хлорофилла и отправляю «Косу» на его панель.

Код врезается в него, словно пуля. Его взгляд застывает, глаза закатываются, а ноги подкашиваются. Я ожидаю неизбежного приступа вины за то, что нарушила данное Рузу обещание и что отняла еще одну жизнь. Но вместо этого меня накрывает новой волной адреналина. А вслед за ней приходит ощущение собственного могущества. Я перепрыгиваю через съезжившуюся парочку и несусь к истекающей кровью женщине.

– Держись, – падая рядом с ней на колени, прощу я.

Розовые полосы женщины усеяны хрустальными бусинками. А розовые глаза закрываются. Мне приходится взламывать ее панель, потому что нет времени спрашивать разрешение на доступ. Я запускаю генетическое сканирование, необходимое, чтобы протестировать «Панацею», и молюсь, чтобы оно закончилось до того, как женщина умрет. На ее боку виднеется несколько ран, а губы посинели, но если мне удастся остановить кровотечение и поддерживать сердцебиение, то она вполне протянет еще несколько минут.

А затем я позволю ей умереть, чтобы наконец-то получить необходимые данные. Нужно лишь лечить ее не так тщательно, как это произошло с женой Матрицы.

– Сейчас помогу, – опускаясь рядом со мной на колени, говорит Коул.

Он достает из кармана исцеляющую сыворотку и выливает ей на раны на боку. Женщина выгибает спину и хватает ртом воздух, а ее глаза вновь закатываются. Данные с ее панели проносятся перед моими глазами. Алгоритм сообщает, что сканирование завершено лишь на половину, но жизненные показатели падают. Я посылаю армию нанитов, чтобы они остановили кровотечение, но ее сердцебиение замедляется. Я ее теряю.

– Ей нужен физраствор! – оглянувшись на людей, кричу я.

Вокруг нас просто горы медикаментов. Кто-то должен мне помочь сохранить ей жизнь. Но ее жизненные показатели снижаются, а тело обмякает.

– Ну, кто-нибудь, пожалуйста! Мне нужна капельница!

– Цзюнь Бэй, – зовет Коул.

– Где, черт побери, Руз? – выпаливаю я.

Осталось всего десять процентов до окончания сканирования. Я отправляю еще одну волну нанитов в вены женщины, пытаюсь выиграть хоть немного времени.

– Цзюнь Бэй, – вновь зовет Коул.

Его голос звучит тихо и успокаивающе, но я не обращаю на него внимания.

Женщина в последний раз вздрагивает, ее глаза затуманиваются, и она умирает.

– Слишком поздно, – осторожно говорит Коул.

Но он ошибается. Задержав дыхание и замерев, я прокручиваю показания приборов перед глазами. Женщина умерла – ее сердце остановилось, а органы перестают работать, – но генетическое сканирование закончилось за долю секунды до этого.

И я наконец-то получила необходимые данные.

Коул тянется к моему плечу, но я уворачиваюсь. Все мои мысли сейчас сосредоточены на показаниях с панели женщины, «Панацея» не сработала, когда она умерла, поэтому необходимо найти ошибку в коде. Вот только он оказывается совсем не таким, как я ожидала. Это не опечатка и не ошибка в логике алгоритма. Похоже, недостающая часть кода связана с генетическими исследованиями, на которых основывалась «Панацея». Я не помню, как писала ее, но знаю, что для создания кода использовала данные экспериментов Лаклана. И сейчас в ней отсутствуют данные ДНК Леобена.

– Нет, – шепчу я.

– Ты сделала все, что могла, – успокаивает Коул.

Он пытается меня утешить, хотя и не понимает истинной причины моего расстройства. Ведь у меня никак не получится исправить этот глюк самостоятельно. Мне нужна помощь Леобена или Лаклана, чтобы закончить «Панацею». Я не могу спасти эту женщину. Я никого не могу спасти.

И впустую потратила три недели на исследования.

– Разойдитесь! – разносится по атриуму чей-то крик.

И через мгновение сквозь толпу проталкивается Руз.

Его глаза расширяются, когда он подходит к нам.

– Что, черт возьми, здесь происходит, Цзюнь Бэй?

– Я не смогла ее спасти, – говорю я.

Мои руки полностью залиты кровью. А тело сковало опустошение. Все это время, пока я денно и ночью пыталась понять, как исправить «Панацею», на самом деле тратила его впустую.

Руз втягивает воздух сквозь стиснутые зубы, а затем обводит взглядом толпу.

– Нужно перекрыть границу и тоннели, ведущие в город. А еще выставить патрули у контрольно-пропускных пунктов, у границы из остротрава. Остальным предлагаю разойтись по домам. Но будьте начеку, пока мы не выясним, что происходит. Это уже третий человек за сегодня, который превратился в одичалого на моих глазах. И вряд ли на этом все закончится. – Повернувшись к Коулу, Руз шурится: – Да ты же чертов агент «Картакса».

– А еще один из тех, кто защищал город во время введения протокола «Всемирного потопа», – добавляю я. – Он пришел сюда из-за одичалых. Подобное происходит повсюду. И вызвано... вызвано глюком в «Панацее».

На лице Руза отражается испуг, когда он переводит взгляд на мертвую женщину, лежащую на земле.

В воздухе раздаются шокированные голоса людей, собравшихся вокруг нас.

– Я не могу исправить код сама, – опустив глаза, признаюсь я. – И руководство «Картакса» хочет, чтобы мы помогли им в этом. Возможно, это наш единственный выход.

Коул встает и нервно оглядывает толпу. Его темная одежда и рога на груди так явно говорят, что он наш враг, словно над ним сияет неоновая вывеска. Хотя еще несколько дней назад он получил пулю, пока защищал этот город.

– «Картакс» приглашает вас поработать с их командой в научно-исследовательском центре, – говорит он. – И все, кого вы выберете, не станут там пленниками. Вместе мы планируем исправить код, который творит подобное с людьми. «Картакс» отправляет туда Лаклана Агатту и своих лучших ученых. У вас будет лучшее оборудование и все, что вам потребуется для исследований.

Толпа молчит. А Руз смотрит на меня с высоты своего роста. Его лицо с серебристыми линиями электрических схем ничего не выражает, но я чувствую исходящее от него разочарование, и оно намного сильнее, чем я ожидала. Он всегда говорил, что для него главное защитить город, а теперь оказалось, что единственный способ это сделать – объединиться с нашими врагами. Не удивлюсь, если он сейчас прикажет вышвырнуть меня из Энтропии.

Но он этого не делает. Я вижу, что юноша пришел к какому-то решению, и мои плечи опускаются от облегчения.

– «Картакс» забрал множество наших лучших кодировщиков во время проведения протокола «Всемирного потопа», – повернувшись к Коулу, говорит Руз. – Я хочу, чтобы их тоже отправили в центр, а затем отпустили домой, если мы найдем решение проблемы.

– Хорошо, – ответил Коул.

– Также нам нужны гарантии, что никто не станет препятствовать нашим людям, если они захотят уехать, – продолжает Руз. – Мы не любим, когда нас ограничивают в передвижении.

– Я лично проконтролирую это, – говорит Коул. – «Картакс» готов согласиться практически на любую просьбу, в пределах разумного, конечно. Мы в отчаянии.

Руз медленно обводит взглядом тела, лежащие на усыпанной пеплом земле парка, а затем поднимает голову и оглядывает толпу.

– Я злюсь на «Картакс» не меньше вас, но мы не сможем справиться с новой угрозой в одиночку, как и ждать, пока они это исправят. Поэтому принимаю их предложение и сегодня вечером отправлюсь на встречу с «Картаксом», чтобы все обсудить. Я буду рад любому, кто захочет присоединиться ко мне, но и не стану осуждать, если вы откажетесь. «Картакс» все еще наш враг, и мне непросто просить вас садиться с ними за один стол.

– А вдруг они сами сделали это? – кричит кто-то. – Вдруг это просто их новый план атаки?..

Я поднимаюсь на ноги.

– Тогда они пожалеют, что пригласили меня в одну из своих лабораторий. Мне это нравится не больше, чем вам, но, кажется, у нас не остается другого выбора. Судя по данным «Картакса», к городу направляется целая орда одичалых, и я не собираюсь ждать, пока еще больше жителей пострадает от этого.

Толпа начинает шуметь. Некоторые все еще сомневаются в наших словах, но некоторые, похоже, нам верят.

– Не стоит тянуть до завтра, – объявляет Руз. – Если вы хотите отправиться с нами, будьте готовы через два часа. Сейчас дорога каждая минута.

Он в последний раз бросает на меня пронизательный, разочарованный взгляд, а затем скрывается в толпе, направляясь к коридорам, ведущим к тоннелям.

Я вытираю окровавленные руки о рубашку, провожая его взглядом. Меня радует, что Руз принял предложение «Картакса», но нужно быть готовым к тому, что они обернутся против нас. Если нам удастся исправить вакцину, они могут забрать ее полностью себе. И даже не дадут нам воспользоваться ей, чтобы остановить одичалых в Энтропии. Да, мне не справиться без помощи Лаклана, но это не означает, что я готова рисковать оказаться в одной из камер «Картакса».

И раз нам нужен лишь Лаклан, то мы просто должны забрать его.

Не знаю, понравится ли Рузу идея превратить эту встречу в похищение человека, но остальные точно поддержат меня. Большинство людей в этом городе порадуются возможности

навредить «Картаксу» всеми доступными способами. Мы полетим в исследовательский центр, а потом нападём на них. Так мы вытащим своих людей и захватим Лаклана. А затем сами будем контролировать вакцину, как и должно было быть с самого начала.

Я пробираюсь сквозь галдящую толпу, и Коул тут же следует за мной. Он берет меня за руку и, притянув к себе, шепчет на ухо:

– Ты приняла верное решение.

– Знаю, – отвечаю я, продолжая строить планы по поводу того, что нужно сделать.

Нам понадобится помощь. Да, у наших людей есть оружие, но оно не настолько мощное, чтобы организовать подобную атаку. К тому же все должно пройти тихо. Если в «Картаксе» узнают, что мы планируем напасть на них, то тут же откажутся от своего предложения. Так что нельзя, чтобы Коул что-то заподозрил.

Когда мы добираемся до основания лестницы, ведущей в лабораторию, и начинаем подниматься по ступеням, Коул продолжает удерживать мою руку. Его большой палец выписывает круги на моей коже, а на лице отражается тень сомнения. Он вновь смотрит на меня своим пронизательным взглядом тайного агента. Я же стараюсь выглядеть как можно более неприужденно и утихомирить бурлящую во мне энергию.

– Ты в порядке? – прищурившись на мгновение, спрашивает он.

– Все хорошо, – говорю я. – Просто нужно сделать слишком много дел, прежде чем мы улетим отсюда.

Несколько мгновений он изучает мое лицо, а затем кивает:

– Я сообщу в «Картакс», что ты приняла приглашение.

Он отступает на шаг, и его ладонь выскользывает из моей руки.

Я поворачиваюсь и, сжав руки, чтобы скрыть дрожь, продолжаю подниматься по лестнице. Он почти раскусил меня... почти.

Если бы Коул знал, что я запланировала сделать, когда мы доберемся до «Картакса», то никогда бы не пустил меня туда.

Глава 10

Катарина

– Что сейчас произошло? – крепко сжав мою руку, спрашивает Леобен.

Мы находимся в нише одного из коридоров «Картакса» недалеко от кафетерия, но у меня перед глазами все еще стоит атриум Энтропии. Обожженные обломки, изрешеченные пулями стены. Толпа, отползающая от раненой женщины и рычащего, покрытого кровью юноши. Не верится в подобное совпадение, что два человека практически одновременно превращаются в одичалых. Так что я склоняюсь к мысли, что эти нападения кем-то организованы.

По коже расплзается знакомое покалывание от тревоги и осознания, что я вновь стала частью плана, которого не понимаю. Но не только от этого руки сейчас дрожат, а горло сжимается.

Просто до меня только дошло, что, когда я видела Энтропию глазами Цзюнь Бэй, рядом с ней стоял Коул.

Я прижимаю ладони к глазам и сгибаюсь пополам. Перед моим мысленным взором всплывает его образ с усталыми глазами, вьющимися темными волосами, шрамами, выглядывающими из-под воротника майки. Он говорил мне, что мечтает сбежать вместе со мной. Уверен, что любит меня. А сейчас он в Энтропии рядом с Цзюнь Бэй.

Я судорожно втягиваю воздух и выпрямляюсь. Мне не следовало удивляться, что он отправился к ней – Коула и Цзюнь Бэй связывают вместе проведенные годы. Он все еще помнил о ней, когда появился в моей хижине, и я не уверена, что он вообще когда-нибудь ее забудет. Да и, честно говоря, я не уверена, что у меня вообще есть право злиться. Коул забыл меня, так о какой верности может идти речь? Да и Цзюнь Бэй пришлось пережить кое-что похуже, когда она застряла в ловушке симуляции лаборатории проекта «Заратустра». Она беспомощно наблюдала, как мы с Коулом целовались, запертая внутри собственного тела.

Так что теперь пришла моя очередь беспомощно наблюдать за происходящим, пока грудь сжимается от боли, словно в нее воткнули нож.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться и запрячь поглубже свои чувства.

– По-моему, нас продолжают водить за нос, – говорю я Леобену.

– Нас всегда водят за нос. И через какое-то время к этому привыкаешь.

– Нет, я говорю об одичалых. Думаю, эти приступы гнева кем-то подстроены. Мы только что видели, как кто-то устроил атаку здесь, а потом...

Я замолкаю, сомневаясь стоит ли рассказывать Леобену о том, что видела. Если в «Картаксе» узнают, что я иногда вижу то, что происходит перед глазами Цзюнь Бэй, они могут заставить меня шпионить за ней. Дакс сказал, что они опасаются, будто она воспользуется «Косой» или превратит «Панацею» в оружие – так что с радостью бы последили за ней. Вот только я не собираюсь становиться инструментом наблюдения за ней. Мне надоело быть пешкой в чужих играх. И если Цзюнь Бэй действительно опасна, я сама ее остановлю.

А может, мне просто ненавистна мысль, что я вновь увижу Коула рядом с ней.

– А потом? – уточняет Леобен.

– А потом я поняла, о чем предупреждала нас Зиана в своем сообщении, – выпаливаю я. – Вам с Даксом стоит прислушаться к ней... Думаю, это не такая уж и безумная теория.

Не могут две атаки одичалых, увиденные мной, оказаться совпадением. А значит, кто-то пытается посеять панику. Ведь сейчас мирные жители «Картакса» обвиняют в случившемся

генхакеров, а они винят во всем «Картакс». И обе стороны развяжут войну друг с другом, пока кто-то третий продолжит дергать их за ниточки. Чего и следовало ожидать от Лаклана.

– Думаешь, кто-то манипулирует нами? – Леобен приподнимает бровь. – Но какой в этом смысл?

– Не знаю, – признаюсь я. – Но разве не нечто подобное сделал бы Лаклан?

– Лаклан? Он точно не стоит за этим. «Картакс» удерживает его в изоляции.

– И где? – спрашиваю я. – Можешь сказать мне, где он находится?

Даже если Лаклана держат в изоляторе, там скорее всего есть камера, а значит, я смогу увидеть его через «Истину».

Леобен прищуривается:

– И что ты собираешься делать?

– Не переживай так. Я не собираюсь его убивать.

Судя по всему, он мне не верит.

– Я просто хочу спросить его, что он сделал с вакциной.

– И ты не сдашься, пока не отыщешь его, да? Ты настоящая заноза в заднице. – Глаза Леобена стекленеют, а перед моими вспыхивает файл с местонахождением Лаклана. – Это его камера. Постарайся не задерживаться там. А после этого отправляйся за остальными. Увидимся, когда вернешься.

Я протягиваю руку, но тут же одергиваю ее, вспомнив, что не могу прикоснуться к нему.

– Спасибо, что отыскал меня, Ли.

– Всегда пожалуйста, кальмар, – говорит он. – По мне, так ты все еще член семьи.

Сердце сжимается от этих слов и от желания обнять Леобена перед уходом. Но вместо этого я загружаю файл с местонахождением Лаклана в свою панель. А затем сосредотачиваюсь на указанной точке, и коридор с кафетерием начинают мерцать перед глазами. Мир погружается во тьму, а через секунду я чувствую, как меня утягивает вперед, словно кто-то воткнул мне в грудь крючок и сейчас наматывает леску.

Под ногами резко появляется пол. Темнота сменяется светлой, чистой комнатой. Я оказываюсь в современной лаборатории с генкитами и операционным столом. Единственный выход отсюда – стальная дверь, на ручке которой мигает красный светодиод.

Лаклан стоит в другом конце комнаты с нечитаемым выражением на лице, глядя на меня своими серыми глазами.

От одного его вида все сжимается внутри, но я подавляю это чувство. Я пришла сюда не для того, чтобы жалеть себя. А чтобы заставить его рассказать мне правду о происходящем.

– Катарина, – говорит он. – Не ожидал тебя увидеть.

– Конечно нет, – соглашаюсь я. – Ведь в Энтропии ты ясно дал мне понять, что я не так много места занимаю в твоих мыслях.

– Ты делишь мозг с моей дочерью, – напоминает он. – И меня очень волнует, что станет с вами обеими.

– С твоей дочерью, – повторяю я.

Голос начинает дрожать. Это глупо, ведь я понимаю, что Лаклан не заботится обо мне и создал меня лишь чтобы помочь сознанию Цзюнь Бэй восстановиться. Но какая же большая разница понимать это и слышать из его уст. Всю свою жизнь я верила, что этот человек – мой отец. Что он заботится обо мне и любит меня, хотя и не всегда это показывает. Почему его безразличие все еще задевает меня?

Я впиваюсь ногтями в ладонь.

– Я пришла сюда из-за одичалых. Думаю, их атаки были спланированы и, думаю, это сделал ты.

Его брови поднимаются вверх от удивления.

– Катарина, меня уже несколько недель держат взаперти. И у меня нет доступа к сетям «Картакса»...

– Зато есть к «Истине», – возражаю я. – Ведь никто и не подумал скрыть ее от тебя. Не так ли? К тому же я сейчас здесь и разговариваю с тобой. Ты убедил Дакса, что пытаешься исправить вакцину, но меня тебе не обмануть. Не ты ли сначала сделал все, чтобы отправить на панель каждого код Цзюнь Бэй, а затем удалить его? И я не сомневаюсь, что ты скрываешь что-то еще. Так что я пришла сюда услышать всю правду.

Лаклан равнодушно смотрит на меня.

– Ты пытаешься запугать меня, Катарина? Ты всегда была умной девочкой – целеустремленной, сосредоточенной, и с тобой оказалось удобно жить – но при этом тебя сложно назвать пугающей.

Я делаю шаг к нему.

– Я просто хочу узнать правду.

– А мне нужно работать, – говорит Лаклан. – Ты слышала мое предложение, и оно остается в силе. Приведи ко мне остальных детей, после чего я выну тебя из головы моей дочери и дам тебе тело. Цзюнь Бэй отказывается стирать тебя, хотя и считает, что ты в отключке, а имплант, разделяющий ваши разумы, разрушается, так что другой альтернативы нет. Но сначала мне нужно исправить вакцину.

Я качаю головой:

– Уверена, ты что-то скрываешь.

Но Лаклан не отвечает. И вместо этого вновь поворачивается к генкиту, стоящему у стены, как не раз делал в хижине. Он не считает нужным разговаривать со мной. И даже смотреть на меня. От осознания этого меня охватывает ярость.

Он не считает меня пугающей? Значит, пришло время доказать, что Лаклан ошибается. Я оглядываю лабораторию, проводя сканирование. Должен же быть какой-то способ напугать его и заставить сказать мне правду. Взгляд замирает на генкитах, но на них стоит система защиты. Единственный интерфейс, к которому у меня есть доступ – освещение. В нем есть руководство пользователя, которое я тут же открываю перед глазами и читаю, что же там есть интересного. В нем отображены диаграммы, инструкция по обслуживанию, предупреждение о циклах отчистки...

Я поднимаю глаза на потолок. Цикл отчистки. Это может сработать.

Как и большинство лабораторий «Картакса», эта комната освещена лампами дневного света, но на потолке так же есть несколько черных полос – ультрафиолетовых ламп. Это стерильная комната – лаборатория, где проводят эксперименты с образцами вирусов. Ученым нужны места, где они смогут работать с вирусами гидры, которые можно обеззаразить, если они прорвутся в воздух. И эти лампы испускают вспышку ультрафиолетового света, способного проникнуть в образцы и уничтожить вирусные частицы. При максимальных настройках вспышки длятся всего секунду, но этой мощности хватит, чтобы наградить человека ожогами третьей степени.

Я перевожу взгляд с ламп на Лаклана. Если получится запустить цикл отчистки, то Лаклан окажется беспомощным. И ему придется сказать мне правду. На самом деле, включение этих ламп можно приравнять к пытке, но он не новичок в этом. И хотя свет может причинить боль и мне, оно того стоит.

– Тебе не следует меня игнорировать, – говорю я, отправляя команду запуска цикла отчистки.

Из-за нашего присутствия в лаборатории тут же срабатывает защита, но я взламываю протоколы безопасности вирусом. Полосы начинают мерцать и разгораться сильнее.

Лаклан настороженно поднимает голову.

– Что ты творишь?

Сглотнув, я прикрываю глаза рукой. Воздух нагревается, а свет воздействует на меня сильнее, чем я думала. Кожу начинает покалывать.

– Хочу услышать ответ на свой вопрос – зачем тебе все остальные? Что произошло с вакциной?

Глаза Лаклана расширяются, когда он понимает, что происходит. Он бросается к двери и пытается открыть ее. Но сколько он ни дергает ручку, та не поддается.

– Катарина, останови это!

Я подхожу к нему, несмотря на боль, причиняемую жаром от ламп.

– Я больше не буду твоей пешкой. И ты скажешь мне правду.

Он отшатывается и качает головой. Его глаза стекленеют, когда мужчина пытается остановить цикл отчистки, только уже поздно. Лампы над нами разгораются все сильнее, а комнату заполняет предупреждение об опасности.

Его взгляд сосредотачивается на мне, а зрачки расширяются. Воздух обжигает, а свет слепит.

– Катарина, остановись... Ты убьешь меня!

– Возможно, – соглашаюсь я. – Каково ощущать, что твоей жизнью управляет кто-то другой? Что кто-то использует твою боль как инструмент?

Он отступает к стене и старается спрятаться от света.

– Прости, – шепчет он. – Я думал только о Цзюнь Бэй... И сделал все это ради нее.

– И сейчас ты тоже ради нее стараешься? – спрашиваю я, возвышаясь над ним.

Лампы разгораются все ярче, нагреваясь для вспышки. Кожа горит, но я понимаю, что это не моя кожа. И не мое тело. Это просто инструмент, с помощью которого я могу узнать правду от Лаклана.

– Что именно ты сейчас для нее делаешь? – выкрикиваю я. – Превращаешь людей в монстров?

– Нет! – с трудом выдыхает он и замуривает глаза, пока его тело сотрясает дрожь. – Я считал, что она написала мощный алгоритм, но это оказалось не так. Он выдает сбой, и даже если ей удастся его исправить, уже слишком поздно. После случившегося весь мир отвернется от нее. Единственный способ спасти Цзюнь Бэй – вернуть все назад, удалить ее код из вакцины и взять вину на себя. Но я не смогу сделать этого без остальных. Это единственный способ все исправить.

Пока я обдумываю слова Лаклана, не сводя с него взгляда, на нас обрушивается такая стена жара, что выбивает воздух из легких. Лаклан беспомощно кричит и дрожит у моих ног, не в состоянии скрыться от света ламп. Его голос звучал искренне, правда, я совсем не это ожидала услышать. Мне хотелось, чтобы за всем этим стоял он. Хотелось найти причину, чтобы запереть его в этой комнате и *сжечь заживо*. С трудом сделанный вдох проносится по телу огненной полосой, а ноги подкашиваются. Свет разгорается еще ярче. У Лаклана не осталось сил сопротивляться его лучам. Судя по всему, я зашла слишком далеко.

Я вновь открываю интерфейс управления освещением и отменяю цикл отчистки. Свет тут же гаснет, а в комнату врывается поток ледяного воздуха.

Тело мгновенно окутывает облегчение. Тяжело дыша, я падаю на колени. Горло саднит и режет от боли, кожу на руках покалывает сотнями иголок, а перед глазами все еще стоит белая пелена. Я моргаю, желая поскорее восстановить зрение, и поворачиваюсь к Лаклану.

Он прислонился к стене и из последних сил старается не потерять сознание. Его лицо распухло, а кожа блестит и потрескалась. Некоторые участки только покраснели и покрылись испариной, но на других виднеются ожоги пугающего белого цвета. Я подползаю к нему. Мужчина тяжело дышит, а на шее четко виднеется пульсирующая вена, но его раны очень серьезны. Исцеляющему модулю Лаклана придется потрудиться, чтобы справиться с этим.

– Я больше не твоя пешка, – откашлявшись, шепчу я. – Но приведу к тебе остальных. И даже помогу разобраться с вакциной. Но взамен ты выполнишь свою часть сделки. Я хочу вновь обрести тело. Да, ты создал меня, но теперь я сама по себе. Я приведу Анну с Зианой в лабораторию, но только ради того, чтобы у нас у всех появился реальный шанс получить будущее без вируса, угрожающего нам.

– Я... я пересажу мозг, – продолжая жмуриться, выдыхает он. – Ты стала сильнее, чем я помню, Катарина.

– У меня не было выбора, – говорю я и встаю на ноги.

Сложно понять, как реагировать на то, что он считает меня «сильнее» не потому, что я так долго выживала сама, а из-за того, что чуть не сожгла его заживо. Возможно, он понимает лишь язык боли.

Лаклан морщится и кашляет.

– Ты не сможешь поговорить с Зианой сама. А значит, тебе придется уговорить сделать это кого-то с телом. И здесь мне на ум приходит лишь один человек.

Перед моими глазами всплывает еще один файл с точкой нужного места. Я в последний раз бросаю взгляд на Лаклана, на его обмякшую, обгоревшую фигуру, а затем задерживаю дыхание и сосредотачиваюсь на местоположении, чтобы перенестись туда с помощью «Истины». Меня вновь утягивает вперед, словно за нитку в груди, и я оказываюсь в маленькой пыльной комнате.

Из-за темнеющего неба за окном в помещении царит полутьма. Но мне удается разглядеть светловолосую девушку, которая, стоя на коленях, смазывает винтовку. Заметив мое появление, она тут же вскакивает на ноги. А затем еле заметным глазу движением скидывает предохранитель и, сузив глаза, наводит дуло на меня.

– Анна, – поднимая руки, говорю я. – Ты меня не знаешь, но мне очень нужна твоя помощь.

Глава 11

Цзюнь Бэй

«Комокс» взмывает вверх сквозь взрывозащитные створки в потолке атриума навстречу приближающейся ночи, и Коул возвышается у меня за спиной. Потемневшее небо испещрено золотистыми облаками. Я стою у покрытого пылью окна «Комокса», одной рукой держась за сетку, удерживающую груз, а другую прижимая к стеклу и смотря, как город превращается в паутину огней. Здания на склонах горы опустели, но уличные фонари с биоломинесцентными² лампами освещают улицы, усыпанные пеплом. Решившие лететь с нами генхакеры так же разместились в грузовом отсеке, но молчат, а воздух так и трещит от беспокойства из-за предстоящей миссии.

Меня окутывает бурлящее и гудящее возбуждение от осознания, что с каждой минутой мы становимся все ближе и ближе к завершению «Панацеи».

«Комокс» поворачивает на юг и пролетает над фермами Энтропии. Сверху граница из остротрава выглядит как полоса из множества осколков. Мощные прожекторы освещают контрольно-пропускные пункты, где с десятков жителей устанавливают баррикады и раскладывают то немногочисленное оружие, которое Регина хранила в подвалах бункера.

Если Коул прав, то к восходу солнца гору осадит толпа рычащих одичалых. Судя по словам Коула, «Картакс» считает, что как только мы удалим мой код с их панелей, все одичалые вылечатся и станут прежними. Но с командой генхакеров придется восстанавливать вакцину с нуля.

Лаклан разрабатывал ее на основе «Панацеи», так что удаление моего кода может занять недели или даже месяцы.

Но я сейчас так близка к завершению «Панацеи». А с помощью Лаклана я смогу управиться за несколько дней. Вот почему, пока Руз собирал команду и отдавал приказы, я продумывала свой собственный план.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает Коул у меня за спиной.

– Все хорошо, – отзываюсь я, глядя в окно, как город исчезает вдаль.

Я убираю руку от стекла, запускаю ее в карман джинсов и провожу пальцами по шприцу, наполненному серебристыми нанитами. А затем поворачиваюсь к нему и скольжу взглядом по его лицу, прислушиваясь к тому, какие чувства откликнутся во мне, пока я стою рядом с ним.

Мы чуть не поцеловались в Энтропии. И я бы солгала, сказав, что не замечаю искры между нами. Но что-то во мне изменилось с тех пор, как мы жили рядом в лаборатории проекта «Заратустра». И дело не только в том времени, которое я провела, запертая внутри Катарины, наблюдая, как они с Коулом влюбляются друг в друга. А в тех шести месяцах, воспоминания о которых я потеряла – тех днях, что я провела в пустыне вместе с Мато. Я не помню, что произошло в тот период и почему мои чувства изменились, но знаю, что теперь во мне есть сила противостоять Коулу, которой раньше не было.

И она мне понадобится для того, что я собираюсь с ним сделать.

– В «Картаксе» знают, что мы уже летим? – выйдя из кабины, спрашивает Руз у Коула.

Рейн встает и подходит к нам, чтобы присоединиться к разговору.

– Я только что уведомил их, – кивнув, отвечает Коул.

² Биоломинесценция – способность живых организмов светиться в темноте, встречающаяся у грибов, медуз, рыб, бактерий и т. д. Многие фирмы уже создают лампы с несколькими стеклянными ячейками, в которых находятся бактерии, испускающие приглушенное зеленое свечение.

– Они до сих пор не прислали координаты лаборатории, – говорит Руз. – Лишь обозначили направление.

– Простая мера предосторожности, – объясняет Коул. – Ведь там уже собрались лучшие ученые «Картакса». Руководство решило передать координаты, только когда мы поднимемся в воздух, чтобы вы не смогли организовать нападение.

– Но нам все равно придется остановиться для подзарядки, если полет займет больше полутора часов, – встречаю я. – Солнечные батареи повреждены. И квадрокоптер может летать лишь на короткие расстояния.

Руз вопросительно косится на меня, но ничего не говорит. Он знает, что с батареями «Комокса» все в порядке. Вот только бортовой компьютер показывает всем, что это не так.

Глаза Коула стекленеют.

– В «Картаксе» сказали, что все хорошо, но нужно будет связаться с ними, если что-то пойдет не так. Координаты уже отправлены на «Комокс».

– Подтверждаю, – кричит женщина-пилот. – У нас есть координаты. Отправляю их вам. Этого бункера нет в нашей базе данных.

Руз моргает, и его глаза начинают бегать из стороны в сторону. Я посылаю импульс из манжеты, связываюсь с компьютером «Комокса» и загружаю новые координаты. Перед глазами тут же вспыхивает карта гор Невады и озера у южной границы штата.

Прищурившись, я разглядываю раскинувшийся рядом город.

– Это... это находится в плотине Гувера³?

– Точно, – подтверждает Руз. – «Картакс» обозначил вертолетную площадку прямо посреди плотины. Я думал, что мы отправимся на один из их объектов.

– Так и есть, – говорит Коул. – В плотине есть лаборатория. Она не слишком большая, но вполне может вместить несколько сотен человек. Благодаря генераторам плотины, она не останется без энергии, а значит, хорошо защищена. Так что неудивительно, что они отправили нас туда.

– Несколько сотен человек? – переспрашиваю я. – То есть это не бункер?

Коул качает головой:

– Нет, просто лаборатория. Руководство «Картакса» предпочитает держать ученых подальше от гражданских. Так что по всему миру у нас есть множество таких небольших центров.

Руз фыркает:

– Они это делают, чтобы защитить ученых от гражданских или наоборот?

Но Коулу не кажется это смешным. А мои плечи и вовсе напрягаются от мысли, что мы летим не в бункер. Я видела их планировку и знаю, где и что там расположено. А также как оттуда выбраться. А единственная известная мне лаборатория «Картакса» – это та, где выросла. Но она находилась не в бетонной плотине посреди пустыни.

И теперь все мои планы зависят от того, смогу ли я выбраться оттуда. Нет смысла похищать кого-то, если я не смогу сбежать.

– Но мы ничего о ней не знаем, – выпуская из рук сетку для крепления грузов, говорю я. А затем обхватываю себя руками. – Я думала, мы летим в бункер. И это для меня полнейшая неожиданность. Откуда нам знать, что это не тюрьма?

– Все будет хорошо, – успокаивает Коул, а его взгляд смягчается. – Мне следовало упомянуть, что мы летим в подобное место.

Кажется, он решил, что я боюсь возвращаться в лабораторию. И что меня все еще преследуют кошмарные воспоминания о нашем детстве, от которых становится не по себе.

³ Плотина Гувера – бетонная плотина дугообразной формы, расположенная на границе штатов Невада и Аризона. Является одной из известнейших достопримечательностей.

– Ты не понимаешь, – огрызаюсь я, старательно повышая голос и добавляя истеричные нотки. – Еще несколько недель назад «Картакс» пытался нас убить. И, вполне возможно, это окажется ловушкой... Не делай вид, что это невозможно. А у меня нет ни фотографий, ни планов этажей. Ничего.

Коул выпрямляется.

– Возможно, мне удастся достать для вас планы этажей.

«Отлично».

Я шагаю в другую часть грузового отсека, на краткий миг встречаясь взглядом с Рузом. В его глазах мелькает подозрение, но если он и догадался о моих замыслах, то не спешит меня остановить. Он понимает, что для выживания Энтропии придется рискнуть.

– Неужели у тебя есть такой уровень доступа?

– Не уверен, но скорее всего, да. – Он замолкает на мгновение. – Подожди-ка. Ты что-то задумала, Цзюнь Бэй?

Я разворачиваюсь на пятках и шагаю обратно к Коулу. А как только подхожу ближе, желудок сжимается от эмоций, отражающихся в его глазах – открытость, уязвимость. Может, он и тайный агент, напичканный смертоносными модулями, но я все еще вижу перед собой ребенка, который безоговорочно верил мне в лаборатории проекта «Заратустра», когда я сказала, что освобожу всех.

– Мне просто хочется знать, с чем я столкнусь, – говорю я. – И, думаю, ты меня понимаешь.

Он так пристально разглядывает мое лицо, словно догадывается, что я что-то скрываю, но затем кивает и отправляет мне запрос на совместную работу. Я подгружаю интерфейс манжеты и перед моими глазами вспыхивает окно базы данных.

– У меня есть доступ к картам и поэтажным планам объектов для выполнения миссий, – объясняет Коул. – Здесь есть сведения о бункерах, лабораториях и даже городах.

Я киваю, наблюдая, как он пролистывает список объектов, пытаясь отыскать лабораторию, в которую мы направляемся.

– Похоже, это она, – говорит Коул, выгружая планы этажей вместе с картами местности, данными о генераторе в плотине и расписанию смен охраны. – Вот видишь! Это не тюрьма.

Я качиваю поэтажные планы и отправляю их Рейн и Рузу. Коул прав – это не тюрьма. А небольшая лаборатория, вмещающая около сотни человек. Здесь расположены общежития, несколько отделенных коридором помещений и квартир в дальней части объекта, в которых, судя по всему, живет охрана. Быстро пролистав расписание смен охранников, я убедилась, что снаружи выставлено оцепление, а после сканирования жителей лаборатории у меня и волосы встали дыбом. «Картакс» перевез сюда не только Лаклана и лучших генхакеров Энтропии, которых захватили во время нападения и освобождения которых потребовал Руз.

Там еще и Мато. Желудок сжимается от мысли, что я вновь увижу его, но мне удается подавить эмоции и закрыть все файлы.

– Что думаешь, Руз?

Его глаза стекленеют, и он медленно кивает.

– Два добротных выхода и чуть больше охраны, чем мне бы хотелось, но... думаю, мы сможем выбраться оттуда.

Коул, нахмурившись, переводит взгляд с меня на него и обратно.

– Конечно же, вы сможете выбраться. Мы лишь хотим поговорить с вами. В этой лаборатории работают ученые, а не военные. Да и вы не пленники.

– Зато пленники наши ученые, которых вы там удерживаете, – возражаю я. – Они там не по собственной воле. Так же, как Лаклан или Мато. Практически все там находятся в плену.

Руз закрывает карты и переводит взгляд на меня.

– Но мы пока не готовы, Цзюнь Бэй.

– Согласна, – отвечаю я. – У меня есть план, Руз. Нам нужно стать чуть смелее, если мы хотим выжить. И это может стать нашим шансом. Прошу, доверься мне.

– Какого черта ты задумала? – спрашивает Коул. – Ты что, не понимаешь, что поставлено на карту?

Я приподнимаю бровь:

– Я прекрасно знаю, что поставлено на карту. Мы живем в городе, который «Картакс» чуть не разрушил несколько недель назад. А некоторых наших людей вы и вовсе заперли в клетках. По миру бродят сотни одичалых, нападающих на людей, а ты просишь работать на «Картакс» без каких-либо гарантий, что они поделятся с нами вакциной, как только мы ее закончим?

Плечи Коула напрягаются. Он обводит взглядом грузовой отсек. Рейн с остальными молча наблюдают за происходящим. Никто из них не жаждет стать союзником «Картакса». У них всех есть друзья и близкие, которые погибли или попали в плен после протокола «Всемирный потоп». Но теперь мы сможем забрать их домой. А вместе с ними и Лаклана, чтобы закончить код самостоятельно.

На несколько мгновений Руз удерживает мой взгляд, после чего оглядывает остальных, чтобы понять, что они об этом думают. А затем на его лице появляется улыбка.

– Что ж, Цзюнь Бэй. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Потому что, кажется, у нас появилась новая цель.

Глаза Коула округляются.

– Ты хочешь похитить Лаклана, да? Но ты не можешь этого сделать, пойми... Да там же множество хорошо вооруженных охранников. Это не сработает.

– Сработает, если ты нам поможешь, – возражаю я. – Руководство «Картакса» тебе не друзья, они твои хозяева. И ты можешь присоединиться к нам. Мы заберем у них то, что нам необходимо, и исправим код самостоятельно.

Но Коул лишь качает головой:

– На карту поставлен не только ваш город. Мы на грани войны. Даже если вы заберете Лаклана, то нет никакой гарантии, что вам удастся исправить вакцину самостоятельно.

– Ты даже не представляешь, на что мы способны, – говорю я. – Вступай в наши ряды, Коул. Перестань быть их игрушкой.

Его светло-голубые глаза, в которых горят ярость и отчаяние, встречаются с моими. Я не жду, что Коул действительно захочет присоединиться к нам, но в глубине души живет надежда, что он это сделает. Юноша уже так много отдал «Картаксу», и я не уверена, что это положительно на него повлияло. Ему не следовало позволять им пичкать себя модулями с секретными технологиями, чтобы превратить в жестокого и эффективного убийцу. И они сделали это из мальчика, который мечтал стать художником, когда вырастет.

Он закрывает глаза.

– Ты не сможешь одолеть их, Цзюнь Бэй. Да и я тоже. И они убьют тебя, если ты попытаешься дать им отпор. Так что я не позволю тебе этого сделать.

Я нащупываю шприц в кармане, чувствуя, как все сжимается в груди.

– Мне очень жаль, Коул, – говорю я. – Мне действительно очень жаль это слышать.

Я подхожу к нему, пристально глядя на него. Поэтому он не замечает шприца, пока я не всаживаю иглу ему в шею.

Глаза Коула расширяются, а рука взлетает вверх, чтобы сжать мою ладонь, но он не успевает.

– Ч-что ты натворила?

– Это промывочная сыворотка. И сейчас она разрушает твои модули. Я не могла рисковать и позволить тебе предупредить «Картакс».

– Цзюнь Бэй, пожалуйста...

Его ноги подкашиваются, а тело сотрясает дрожь. Серебристые пятна расползаются по его шее, а щеки краснеют. За несколько минут токсин распространится по его телу, выжигая каждую нить синтетической ДНК внутри его тела. Он говорил Катарине, что хочет избавиться от своей панели. Хотел быть свободным... Теперь так и будет. Мне пришлось постараться, чтобы перекодировать промывочную сыворотку, и теперь ее наниты способны справиться с любыми секретными технологиями, но, скорее всего, на это потребуется несколько месяцев.

Считайте меня жестокой, ведь это не безболезненная процедура, но это единственный выход. Перед глазами вспыхивает сообщение, что токсин полностью распространился по телу. Коул, дрожа и задыхаясь, хватается за воротник моей куртки, чтобы притянуть меня ближе. Я же тяну руку ему за спину к пульту управления дверью «Комокса». Один рывок, и она открывается, впуская порыв ветра.

– Не делай этого, – выдыхает он. – Ты развяжешь войну.

– Мы уже на войне.

Я срываю парашют со стены, а затем пихаю ему в руки.

Его глаза расширяются от ужаса за мгновение до того, как я толкаю его в объятия темной ночи.

Глава 12

Катарина

– Не подходи, – рычит Анна, глядя на меня сквозь оптический прицел винтовки.

На ее коже видны пятна грязи, волосы выбились из косы, а одежда измята так, словно она не снимала ее несколько дней. В комнате, ставшей ей убежищем, практически отсутствует мебель, если не считать надувного матраса на пыльном деревянном полу, черной спортивной сумки, набитой оружием, и смятых упаковок от пайков, сваленных в углу.

На мгновение меня охватывают воспоминания о хижине у озера. О грязной одежде, невымытых волосах и рюкзаке, собранном на случай, если придется бежать. Я прожила так несколько лет, и впервые осознаю, насколько жалкой тогда была. Неудивительно, что Анна выглядит такой же отчаявшейся и измученной, какой я себя помню. Только у нее гораздо больше оружия.

– Я не шучу, – не убирая винтовки, говорит она. – Не делай резких движений.

Ее голубые глаза налиты кровью, а под ними залегли глубокие тени. Она совершенно не похожа на ту гордую идеальную девушку-солдата из моих воспоминаний.

– Я пришла поговорить с тобой, – пытаюсь успокоить ее я и оглядываюсь по сторонам, чтобы понять, где мы находимся.

Дакс сказал, что Анна сбежала из «Картакса», но не упоминал куда. За окном виднеются очертания странных, извивающихся зданий на фоне темно-синего неба. На горизонте возвышаются зазубренные пики, а в отдалении кружат точки тусклого света...

Я на шаг приближаюсь к окну и застываю. Мы в Энтропии.

На улице царит ночь, а в городе тихо и спокойно. Кружащиеся точки света – это светящиеся перья странствующих голубей. Мы находимся в одном из зданий на склоне горы. Хотя я не понимаю, почему она здесь оказалась. Анна ненавидит генхакеров – она всегда называла их уродами. Я делаю еще один шаг и, прищурившись, смотрю на вещество, усыпавшее улицы, которое напоминает пепел. И тут у самого моего уха что-то пролетает со свистом.

– Эй! – вскрикиваю я и пригибаюсь, когда бетон рядом с моей головой разлетается вдребезги.

По комнате эхом разносится звук выстрела, а в воздух взметается пыль. Я резко оборачиваюсь и смотрю на Анну. А она вновь поднимает винтовку, чтобы выстрелить.

– Подожди, подожди! – кричу я и, прижав руку к лицу, отступаю назад.

На щеке расплзается царапина от осколка бетона. Хотя на самом деле меня тут нет, но под пальцами явно растекается кровь, а рана чертовски болит. Тот, кто создал «Истину», явно разделял энтузиазм Цзюнь Бэй о том, что симуляция виртуальной реальности должна ощущаться настолько же реальной, насколько она выглядит. Анна еще крепче стискивает винтовку, отчего желудок сжимается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.